

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

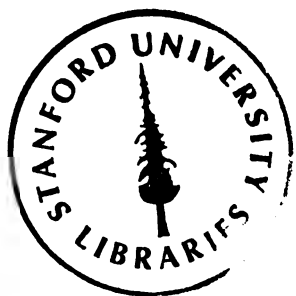
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Кеди

44
160

ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЕ ЗАВѢТЫ

Я. А. Коменскаго

и

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

А. Образцовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. Мѣслякъ, М. Конюшенная 12.
1896.

Образцовъ, А.

ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЕ ЗАВѢТЫ

Я. А. Коменскаго

И

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

А. Образцовъ.

Фунд. Б. Г. М.
Сл. 2 г. н. н.
Ш. 1 VIII.
Пос. 3.
№ 27.
Кв. 6198

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. Мѣстникъ, М. Конюшенная 12.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го Марта 1895 г.

ВВЕДЕНІЕ.

---

18 Марта 1891-го года вся просвѣщенная Европа праздновала 300-лѣтній юбилей рожденія въ Моравіи великаго славянскаго педагога Яна Амоса Коменія, по справедливости называющагося отцомъ современной педагогики. Его біографы насчитываютъ до 142 отдѣльныхъ его произведеній, касающихся всевозможныхъ вопросовъ церкви, науки и воспитательной практики, начиная отъ «Живой азбуки», основанной на фонетическомъ методѣ и кончая «Пансофіей». При «Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній» учрежденъ «Отдѣлъ Коменскаго», поставившій своею цѣлью переводъ, изданіе и распространеніе сочиненій и педагогическихъ идей этого педагога, философа и богослова. Независимо отъ этого, переводы и изданія отдѣльныхъ сочиненій Коменскаго появляются у насъ и въ другихъ городахъ, а «Отдѣлъ Коменскаго» въ настоящее время занятъ составленіемъ педагогической хрестоматіи, въ которой бы заключался свѣдъ всего, что въ разныхъ сочиненіяхъ высказано Коменскимъ. Эта работа потребовала предварительнаго перевода разныхъ сочиненій Коменскаго, редактированіе которыхъ и составленіе изъ нихъ отрывковъ, подходящихъ для хрестоматіи, потребовало много времени; между тѣмъ идеи Коменскаго могутъ произвести

сильное оживленіе въ нашемъ обществѣ, столь нуждающемся въ такихъ энергическихъ и самоотверженныхъ поборникахъ просвѣщенія, каковъ былъ Коменскій, и потому заслуживаютъ скорѣйшаго и самаго широкаго распространенія.

Дѣйствительно слѣдуетъ сожалѣть, что въ то время какъ величайшіе умы западной Европы удѣляютъ значительную долю своего вниманія вопросамъ воспитанія и просвѣщенія, у насъ находятся великіе писатели, издѣвающіеся надъ плодами просвѣщенія и отрицающіе плодотворность культуры природныхъ дарованій, когда эта культура находится у насъ еще въ зачаточномъ состояніи, а плоды просвѣщенія намъ приходится называть «гнилыми», потому что они находятся въ чужомъ саду и отдѣлены отъ насъ высокимъ заборомъ.

Пусть же на самомъ Коменскомъ оправдаются его слова: «извлеченія изъ писателей могли бы принести ту отличную пользу, что, во первыхъ, тѣ которые не имѣютъ времени читать ихъ въ полномъ его объемѣ, приобрѣли бы себѣ хотя бы общее понятіе о любомъ писателѣ; во вторыхъ, тѣ, которые желаютъ глубже проникнуться духомъ какого-нибудь писателя, легче и сознательнѣе могли бы сдѣлать выборъ, послѣ того какъ они, познакомившись со многимъ, почувствуютъ, что то или это особенно подходитъ подъ ихъ вкусъ; въ третьихъ, тѣмъ, которые должны вполнѣ изучать самихъ писателей, эти извлеченія послужатъ отличной подготовкой къ плодотворному чтенію».

Великіе писатели, къ каковымъ безспорно принадлежитъ Коменскій, отличаются еще тѣмъ особеннымъ достоинствомъ, что у нихъ самый способъ

выраженія мыслей отличается большою глубиною и оригинальностью; иногда и незначительные отгѣнки и выраженія, опускаемые однимъ читателемъ безъ вниманія, могутъ другого навести на очень важные выводы и соображенія. Поэтому извлеченія изъ такихъ писателей и должны дѣлаться не въ пересказахъ, а въ подлинныхъ отрывкахъ изъ ихъ произведеній, какъ намѣревается поступить и «Отдѣлъ Коменскаго» съ своей христоматіей. Пусть же, до появленія этого болѣе полнаго и серьезнаго труда «Отдѣла», и мои извлеченія послужатъ на пользу для тѣхъ, которые захотятъ сколько-нибудь познакомиться съ великимъ педагогомъ; ибо никогда нельзя будетъ сказать: довольно намъ Коменскаго; напротивъ, чѣмъ больше будутъ знакомиться съ Коменскимъ, тѣмъ больше будутъ говорить: побольше намъ Коменскаго и о Коменскомъ!

А. Образцовъ,
членъ «Отдѣла Коменскаго».

С.-Петербургъ, 8-го Января 1895 г.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

«Хочешь ли узнать хорошо образованнаго человѣка? Наблюдай за его дѣйствіями, его рѣчью и даже молчаніемъ, равнымъ образомъ — за его походкой, посадкой, осанкой, руками и всѣмъ до него относящимся: всюду будутъ просвѣчивать и пристойность, и достоинство, и любезность; всюду онъ будетъ вѣренъ самъ себѣ; во всемъ изященъ и оформленъ. Хочешь познакомиться съ нимъ въ дѣлѣ? Все плавно идетъ подъ его рукой, такъ какъ всякое дѣло поведетъ онъ разумно, по предварительномъ и здоровомъ обсужденіи. Хочешь слышать его рѣчь? Онъ можетъ дѣльно разсуждать о чемъ угодно, не обнаруживая ни въ чемъ постыднаго невѣжества. Если, напротивъ того, ему надо молчать, то даже самое молчаніе онъ съумѣетъ смягчить, благоразуміемъ и приличіемъ, чтобы и изъ молчанія его ты могъ чему-либо научиться. Если онъ вращается между людьми — одно лишь удовольствіе. Если ему когда-либо придется жить безъ общества людей, онъ никогда не будетъ чувствовать себя одинокимъ, такъ какъ онъ полонъ серьезныхъ мыслей и утѣшенія въ самомъ себѣ. Между добромъ и зломъ жизни онъ ведетъ себя такъ, чтобы само дѣло доказало, что онъ умѣетъ различать вещи и можетъ распознавать полезное отъ безполезнаго. Совер-

шается-ли все по его желанію, онъ не заносится, не гордится, не становится высокоумнымъ. Впадаетъ ли онъ въ несчастіе, онъ все тотъ-же: не опускается, не падаетъ духомъ, не отчаявается. Однимъ словомъ: «кто мудръ, тотъ приспособится ко всевозможнымъ обычаямъ», говоритъ поэтъ.

«Когда бы возможно было увидѣть такъ-же точно образованнымъ весь народъ, тогда ты увидѣлъ бы всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинство именно такими, какими я очертилъ отдѣльныхъ лицъ. Если желаете, чтобы я еще подробнѣе разъяснилъ вамъ это, я разъясню, дѣлая постоянно сопоставленіе образованныхъ народовъ съ необразованными или такъ называемыми варварами.

1) Образованные люди суть истинные люди, т. е. по нравамъ они человѣчны; варваровъ-же содѣлываетъ отврагательными ихъ звѣрская грубость, или жестокими—ихъ скотская дикость, такъ что, кромѣ человѣческаго образа (если только они говорятъ, а не ревутъ), едва-ли и признаешь въ нихъ что-либо человѣческое.

2) Въ хорошо образованномъ народѣ, если ты присмотришься къ порядку, который у него примѣняется къ управленію общественными и частными дѣлами, все идетъ точно часы, гдѣ, если затронута одна часть, приводится въ движеніе все, причемъ колесо двигаетъ колесо, въ соразмѣрности съ числомъ, мѣрой, вѣсомъ. У варваровъ все—какъ-бы разрозненные прутья, какъ песокъ безъ цемента.

3) Если обратить вниманіе на взаимныя обязанности, то въ образованномъ народѣ каждый служитъ всѣмъ, каждый на своемъ мѣстѣ выполняетъ то, что потребно ему и другимъ. Между варварами никто не принаравливаетъ ни себя, ни своихъ дѣлъ къ потребностямъ другаго: все дѣлается безсвязно, и потому съ большими затрудненіями и замѣшательствомъ.

4) У образованныхъ народовъ всѣ стихіи міра несутъ дань, и даже самыя нѣдра земли не могутъ скрыть отъ нихъ свои сокровища (металлы, драгоценныя и другіе камни). У необразованныхъ все пропадаетъ безъ пользы: они не умѣютъ ни подчинять себѣ природу, ни сосать ея грудь, ни даже пользоваться ею тогда, когда она сама изливаетъ на нихъ дары свои. Отличнѣйшій климатъ, плодороднѣйшая земля, удобнѣйшія для судоходства рѣки остаются безъ пользы, какъ это можно видѣть у американскихъ народовъ, проводящихъ грубую жизнь подобно дикимъ звѣрямъ.

5) Образованные народы вовсе не дозволяютъ ни землѣ пустовать, ни какому-либо матеріалу бесполезно пропадать; деревья и хворостъ, каменья и камешки, даже песокъ и уличную грязь они подбираютъ и примѣняютъ къ извѣстному употребленію. У необразованныхъ видишь все невоздѣланнымъ, сорнымъ, грязнымъ, гніющимъ и разлагающимся.

6) Отсюда у первыхъ даже самыя бесплодныя по своей природѣ области, не представляющія ничего, кромѣ песку, или скалъ, или болотъ и мховъ, становятся столь воздѣланными, что кажутся раемъ. У необразованныхъ же народовъ даже страны, имѣющія видъ рая (гдѣ, подумаешь, небо вступило въ брачный союзъ съ землею), покрываются нечистотами и теряютъ прелесть.

7) Отсюда происходитъ то, что образованные народы не только изобилуютъ всѣми необходимыми для жизни предметами, но обладаютъ также удобствами, даже роскошью: тогда какъ необразованные едва имѣютъ средства влачить жизнь, прокармливаясь сырой пицей по образу звѣриному.

8) Образованные, заботясь о будущемъ, обезпечиваютъ себѣ все необходимое въ жизни; даже для непредвидѣн-

ныхъ случаевъ, если - бы обрушились на нихъ: скудость урожая, или нападеніе враговъ, или моровая язва, или инныя болѣзни, они своевременно противопоставляютъ имъ благоустроенныя житницы, арсеналы, алтеки. У варваровъ не существуетъ никакого разумнаго попеченія о жизни, здоровьѣ, безопасности, живетъ изо дня въ день, какъ придется; у нихъ все необдуманно и случайно.

9) Народъ образованный даже красивою и блестящею одеждою обнаруживаетъ блескъ ума, такъ какъ всѣ и каждый, малый и великій, благородный и неблагородный одѣваются, если не изящно, то хотя опрятно; тогда какъ необразованные ходятъ или нагими, или полунагими, или въ лохмотьяхъ и рубищахъ, грязные и захудалые.

10) Образованный народъ имѣетъ великолѣпные города, многолюдные, полные произведеніями искусствъ и ремесль. У необразованнаго вмѣсто городовъ пустыри, а если онъ что - нибудь и называетъ городомъ, то это лачуги, жалкая нищета.

11) Образованные народы, связанные узами закона, содержатъ свои области, а въ нихъ города, села, дома, отдѣльныя семейства и, наконецъ, самихъ себя въ границахъ установленнаго порядка до такой степени, что никому нельзя безнаказанно ихъ переступать. У необразованныхъ, или превратно образованныхъ, существуетъ вмѣсто свободы—своеволіе; кому что вздумается, то смѣло и дѣлается, при необузданности во всемъ.

12) Отсюда у первыхъ все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у послѣднихъ господствуютъ кражи, разбои и насилія; а потому нѣтъ истинной безопасности, и все полно козней и страховъ.

13) У народа истинно образованнаго даже среди сельскихъ жителей нѣтъ грубости: до того все проникнуто городской утонченностью нравовъ. У необразованныхъ,

напротивъ того, и горожане суть тѣже селяне, и самъ городъ по нравамъ не что иное, какъ настоящая деревня.

14) Члены образованнаго народа привѣтливы къ пришельцамъ, ласково указываютъ дорогу не знающимъ, обнаруживаютъ вѣжливость къ тѣмъ, кто къ нимъ заѣзжаетъ, остерегаясь причинить имъ какую-либо непріятность. Варвары—или отталкиваютъ отъ себя незнакомцевъ и прогоняютъ, или сами бѣгутъ отъ нихъ, или гнусными нравами, по крайней мѣрѣ, отпугиваютъ ихъ отъ общества съ ними.

15) У хорошо образованныхъ народовъ лѣнивые люди и здоровые нищѣ вовсе нетерпимы; ихъ даже вовсе нѣтъ, такъ какъ каждое государство держитъ всѣхъ своихъ гражданъ въ порядкѣ и печется о своихъ бѣдныхъ. У варваровъ—цѣлыя стада лѣнивыхъ людей, которые, проживая или въ нищенствѣ, или воровствѣ и грабежахъ, или въ нищетѣ и голодѣ, производятъ различныя смуты и бѣдствія. И если этому злу оказывается сопротивленіе, то приходится прибѣгать къ силѣ: тогда все бываетъ полно принудительныхъ работъ, угнетеній, казней и истязаній.

16) Образованные, находя удовольствіе въ свободныхъ наукахъ и искусствахъ, охотно занимаются ими; не допуская пробѣла ни въ одномъ изъ нихъ, исчисляють звѣзды и измѣряють небо, землю, пропасти и невѣсть что, не желая, чтобы дѣлалось что-либо безъ ихъ вѣдома, гдѣ-бы то ни было, хотя-бы въ отдаленнѣйшихъ областяхъ земли, воды, воздуха. Они стараются также узнать: бѣгъ вѣковъ, какъ далеко отстоимъ мы отъ начала міра, какъ скоро можемъ мы ожидать его конца, чтобы, имѣя передъ глазами прошедшее, лучше располагать настоящимъ на пользу будущаго. Необразованные всего этого и даже самихъ себя не знаютъ, не задумываясь о томъ, откуда они пришли сюда, куда пойдутъ, что происходитъ съ ними или вкругъ

нихъ; а потому они несвѣдуци въ прошедшемъ, несмысленны относительно настоящаго, неприготовлены ко всему будущему.

17) Образованныхъ услаждаетъ лира Орфея, и они охотно предаются божественной музыкѣ, чтобы, плѣняясь сладостью звучной гармоніи, тѣмъ чаще всюду обращаться къ ней, по примѣру Давида и Соломона. Необразованные, какъ «осель улиры»: если услышишь между ними какіе-либо звуки, то развѣ — нестройный шумъ пьяныхъ или дикія гиканья неуклюжихъ плясуновъ.

18) Наконецъ, образованные живутъ между собою мирно, полные свѣта, разума, благой воли и чистой совѣсти, довольные Богомъ и собою, и радуясь своимъ сокровищамъ. Необразованные, не обладая ничѣмъ внутри самихъ себя, всецѣло предаются одной внѣшности и, гоняясь вмѣсто вещей за призраками, становятся предметомъ насмѣшекъ, чахнуть и, наконецъ, гибнуть. И пусть гибли-бы, если-бы, умирая земною смертію, они не извергались заживо въ смерть вѣчную! Но если уже необходимо такъ бываетъ, что люди, недостойные званія людей, отклоняются отъ своего предназначенія — блаженной жизни; то лучше-бы имъ вовсе не родиться, или точнѣе: лучше, чтобы не рождалось ничего, кромѣ нѣмой твари, чѣмъ рождаться такимъ людямъ, которые никакимъ человѣческимъ образованіемъ не возвышаются до истинной человѣчности».

Такъ превозноситъ Янъ Амосъ Коменскій (род. въ 1592 г. въ Моравіи † въ 1671 г.), идеаль образованнаго человѣка и народа въ рѣчи своей « О культурѣ природныхъ дарованій », произнесенной по случаю преобразованія Саросъ-Патакской гимназіи (въ Венгріи) на выработанныхъ имъ новыхъ (пансофическихъ) началахъ (переведено на русскій языкъ Л. Н. Модзалевскимъ). Хотя рѣчь эта была обращена къ венгерскому народу 250 лѣтъ тому на-

задъ, но высказанныя въ ней идеи и до сихъ поръ еще въ высшей степени поучительны; хотя многія общественныя бѣдствія и нестроенія, происходящія отъ недостатка образованности въ народѣ, могли относиться къ тогдашнему венгерскому народу, но и теперь у насъ тотъ государственный человѣкъ, который искренно проникся бы этими идеями, нашелъ бы для себя обширное, почти непочатое поле дѣятельности и заслужилъ бы благодарность и любовь современниковъ и великую славу въ потомствѣ.

О необходимости образованія Коменскій говоритъ также и въ своей «Великой дидактикѣ». Здѣсь онъ приводитъ слова Платона: «человѣкъ самое кроткое и богоподобное животное, если истинное воспитаніе укротило его; безъ воспитанія же или при ложномъ воспитаніи—это самое необузданное изъ всѣхъ животныхъ, какихъ только производитъ земля».

«Кто сомнѣвается въ томъ, продолжаетъ Коменскій, что тупые нуждаются въ обученіи для устраненія своей природной тупости? Но на самомъ дѣлѣ даровитые еще болѣе нуждаются въ обученіи, потому что пытливый умъ, если не занятъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, самъ займется предметами бесполезными или удовлетворяющими только праздное любопытство и даже пагубными. Какъ поле, чѣмъ оно плодороднѣе, тѣмъ больше производитъ колючекъ и волццовъ, такъ и выдающееся природное дарованіе бываетъ полно праздныхъ мыслей, если въ него не влагаются сѣмена мудрости и добродѣтелей. И какъ работающая мельница, если не доставляется зерно, изъ котораго образуется мука, сама стираетъ жерновъ и безъ пользы поднимаетъ образующуюся черезъ это пыль, что сопровождается шумомъ и трескомъ, иногда даже поломкою и отскакиваніемъ частей ея; такъ и дѣятельный духъ, лишенный серьезныхъ предметовъ, можетъ совершенно погрузиться въ пустые, удов-

летворяющіе только любопытство и даже вредные, и сдѣлаться причиною собственной гибели.

Что такое богачи, лишеныя знанія, какъ не откормленныя отрубями свиньи? А бѣдняки, безъ пониманія міра, не тѣ же ли вьючные ослы? Красивый невѣжда не то же ли, что попугай съ красивыми перьями или, какъ сказалъ нѣкто, золотыя ножны, въ которыя вложенъ свинцовый кинжалъ?

Тѣмъ, которымъ нѣкогда предстоитъ управлять другими въ качествѣ царей, князей, сановниковъ, пастырей и учителей церкви, такъ же необходимо заранѣе набраться мудрости, какъ проводнику необходимо имѣть глаза, толмачу знать языкъ, трубѣ быть звучной, а мечу—острымъ. Равнымъ образомъ и подчиненные должны просвѣщаться, чтобы умѣть благоразумно повиноваться, не по принужденію только и съ ослиною покорностью, но съ охотою и изъ любви къ порядку. Ибо разумное созданіе должно направлять къ цѣли не криками, тюрьмою или палкою, а съ помощью разума. Кто поступаетъ иначе, тотъ сугубо оскорбляетъ Бога, который и на нихъ напечатлѣлъ свой образъ, да и дѣла человѣческія преисполнились бы насилія и тревоги, какъ и есть въ дѣйствительности.

И такъ пусть остается въ силѣ положеніе, что обученіе необходимо всѣмъ, которые родились людьми, потому что они должны быть людьми, а не дикими звѣрями или бессмысленными скотами и безчувственными болванами. А отсюда слѣдуетъ, что каждый изъ насъ превосходитъ другихъ настолько, насколько онъ дѣятельнѣе упражнялся. «Презирающій мудрость и наставленіе несчастенъ, и надежда ихъ суетна, и труды ихъ бесплодны, и дѣла ихъ непотребны» (Прем. Солом., 3, 11).

«Если кто скажетъ: что же будетъ, если и ремесленники и крестьяне, и носильщики, и даже служанки ста-

нуть образованными? то я отвѣчу: а будетъ то, что, если это всеобщее образованіе юношества будетъ устроено правильно, то впредь никто рѣшительно не будетъ имѣть недостатка въ полезныхъ предметахъ для размышленія, желанія, стремленія и даже дѣятельности и всѣ будутъ знать, къ чему надо направлять всѣ свои дѣйствія и желанія, и въ какихъ границахъ можно двигаться и какимъ образомъ каждый можетъ охранять свой постъ. Кромѣ того, всѣ будутъ услаждать себя, даже во время работъ и трудовъ, размышленіемъ о словахъ и дѣлахъ Божіихъ, а благодаря частому чтенію библіи и другихъ назидательныхъ книгъ (ибо тѣмъ сильнѣе будетъ привлекать ихъ лучшее, что они уже отвѣдали его), они избѣгутъ праздности, опасной для плоти и крови, короче говоря: они научатся повсюду видѣть Бога, вездѣ прославлять Его и такимъ образомъ болѣе пріятно проводить эту жизнь, полную всякихъ бѣдъ, и съ большимъ желаніемъ и надеждою ожидать вѣчной жизни. А при такомъ состояніи церкви развѣ не осуществился бы для насъ уже здѣсь тотъ рай, какой только возможенъ на землѣ?» — Великая дидактика, переводъ А. Щепинскаго.

«Если есть кто-либо на землѣ, кто можетъ подать какой-нибудь совѣтъ или придумать, или воплями, вздохами, плачемъ и слезами вымолить у Бога указаніе того способа, которымъ можно лучше всего помочь подрастающему юношеству, тотъ пусть не молчитъ, а совѣтуетъ, думаетъ, молитъ. Проклятъ, кто слѣпного сбиваетъ съ пути! говоритъ Богъ (Второз. 27, 18). Проклятъ, значить, и тотъ, кто можетъ увести слѣпного съ ложнаго пути, но не уводитъ. Горе тому, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ! говоритъ Христосъ (Матѳея 18, 6, 7). Горе, значить и тому, кто можетъ удалить его отъ соблазна, но не удаляетъ. Богъ запрещаетъ покидать осла или вола, блуж-

дающаго въ лѣсахъ и поляхъ или лежащаго подъ бременемъ ноши своей, и велить помочь ему, даже если бѣ ты не зналъ, чей онъ, даже если-бѣ ты зналъ, что онъ принадлежитъ врагу твоему (Исх. 23, 4. Втор. 22, 1). И Ему должно быть угодно, если мы, видя блужданіе не безсловесныхъ животныхъ, но разумнаго созданія, не того или другого, но всего міра, беззаботно проходимъ мимо, не прикладываемъ рукъ своихъ? О, да не будетъ этого, да не будетъ!

Проклять, кто дѣло Господне дѣлаетъ небрежно, и проклять, кто удерживаетъ мечъ его отъ крови (Іерем. 48, 10); и мы надѣмся остаться внѣ вины, безопасно перенося гнусный Вавилонъ нашихъ неурядицъ? О, обнажи мечъ всякій, кто имъ препоясанъ, или кто знаетъ, въ какихъ ножнахъ онъ спрятанъ! способствуй разрушенію Вавилона, да будешь благословенъ Іеговой.

Творите дѣло Господне вы, власти, слуги вышняго Бога, и мечемъ, которымъ препоясалъ васъ Богъ, мечемъ справедливости, уничтожьте нестроенія, которыми полонъ міръ и которыми онъ гнѣвитъ Бога.

Творите это дѣло вы, священнослужители, вѣрные слуги Іисуса Христа, и вѣренными вамъ обоюдоострымъ мечемъ, мечемъ слова, изгоните зло. Затѣмъ вы и поставлены, чтобы искоренять, и разорять, и расточать, и разрушать зло, и опять созидать и насаждать добро (Іерем. 1, 10 Гал. 101, 5; Посл. къ Римл. 13,4 и на др.). Вы уже поняли, что только тогда можно успѣшно противиться злу въ человѣческомъ родѣ, когда ему противятся въ раннемъ возрастѣ; что деревья, назначающіяся для вѣчности, успѣшно насаждаются только посредствомъ насажденія и воспитанія новыхъ саженцевъ; что только тогда успѣшно можно отстроить Сіонъ на мѣсто Вавилона, когда живые

камни Божіи—юношей—своевременно ломають, обтесываютъ, полируютъ и прилаживаютъ къ небесной постройкѣ

Итакъ, если мы желаемъ имѣть надлежащимъ образомъ упорядоченныя и цвѣтуція церкви, государства и хозяйства, то прежде всего мы должны упорядочить и привести въ цвѣтущее состояніе школы, чтобы онѣ стали истинными и живыми мастерскими человѣчности, расадниками для церквей, государствъ и хозяйствъ. Тогда только мы достигнемъ своей цѣли, другимъ способомъ—никогда». Введеніе къ «Великой дидактикѣ».

Считая образованіе необходимымъ для всякаго человѣка Коменскій не исключаетъ отсюда и женщинъ; онъ говоритъ одинаково объ образованіи подростающаго поколѣнія обоого пола. Въ самомъ дѣлѣ, если образованіе есть благо, то оно одинаково должно быть признаваемо таковымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

«Нельзя представить ни одного достаточнаго основанія, почему слабѣйшій полъ (чтобы помнить объ этомъ особенно) слѣдуетъ совершенно устранять отъ изученія науки (будетъ-ли она преподаваться на латинскомъ, или на родномъ языкѣ). Вѣдь женщины такъ же носятъ на себѣ образъ Божій, имѣютъ равное участіе въ благодати и царствѣ будущаго вѣка; въ равной степени онѣ одарены дѣятельнымъ и воспріимчивымъ къ наукѣ умомъ (часто еще въ большей степени, чѣмъ нашъ полъ); имъ такъ же открытъ доступъ къ высокому положенію, такъ какъ онѣ часто Самимъ Богомъ были призываемы управлять народами, подавать спасительные совѣты царямъ и начальникамъ, а также призывались къ познанію врачебнаго искусства и другимъ, полезнымъ для человѣчества дѣламъ, даже и пророческому служенію и обличенію священниковъ и епископовъ. И такъ, зачѣмъ-же мы будемъ допускать ихъ только къ азбукѣ, а потомъ гнать ихъ прочь отъ

книгъ? Боимся ихъ легкомысленнаго увлеченія? Но чѣмъ больше мы займемъ ихъ мысли, тѣмъ меньше мѣста будетъ для легкомыслія, которое обыкновенно является вслѣдствіе душевной пустоты».

«Мы совѣтуемъ обучать женщинъ не для удовлетворенія ихъ любопытства, а въ интересахъ нравственности и счастья, и обучать преимущественно тому, что имъ слѣдуетъ знать и умѣть, какъ для надлежащаго веденія хозяйства, такъ и для споспѣшествованія и собственному благополучію, и благополучію мужа, дѣтей и домашней прислуги». Велик. дид.

Хотя послѣднія слова нѣсколько и ограничиваютъ сферу образованія и дѣятельности женщинъ, однако для тогдашняго времени и это было большимъ шагомъ впередъ, а если мы примемъ во вниманіе сказанное Коменскимъ въ предыдущихъ строкахъ, то должны будемъ согласиться, что и въ настоящее время мы не можемъ желать ничего большаго въ этомъ дѣлѣ.

Таковы сужденія Коменскаго о необходимости «всѣхъ учить всему». Поучительны также его сужденія и о возможности образованія для всякаго человѣка.

«Что всякій человѣкъ рождается способнымъ къ пріобрѣтенію знанія вещей, это очевидно изъ того, что онъ, во-первыхъ, есть образъ Божій; а если образъ точенъ, то онъ необходимо воспроизводитъ черты своего первообраза, иначе это не будетъ образъ. А такъ какъ между прочими свойствами Божиими особенно выдается всевѣдѣніе, то нѣкоторое подобіе его необходимо должно отразиться и въ человѣкѣ. И почему бы не такъ? Вѣдь человѣкъ стоитъ посреди дѣлъ Божіихъ, обладая свѣтлымъ умомъ, похожимъ на шаровидное зеркало, повѣшенное въ комнатѣ и воспринимющее образы всѣхъ предметовъ; повторяю: всѣхъ кругомъ. Ибо умъ нашъ не только схватываетъ ближайшіе

предметы, но и приближаетъ къ себѣ отдаленные (по мѣсту или времени), поднимается въ высь, изслѣдуетъ тайное, раскрываетъ сокрытое, старается постигнуть даже недоступное изслѣдованію, — до такой степени онъ есть нѣчто безконечное и безграничное. Предоставьте человѣку хоть тысячу лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ могъ бы постигать одно за другимъ, постоянно научаясь чему-нибудь новому, — онъ всегда будетъ воспринимать: умъ человѣческій обладаетъ такою ненасытною воспримчивостью, что въ дѣлѣ познанія представляется какъ бы бездной. Наше тѣло имѣетъ очень незначительные размѣры; голосъ нашъ распространяется немногимъ дальше; зрѣніе ограничиваетъ высота неба. За то духу нашему нельзя положить предѣла — ни на небѣ, ни внѣ его: онъ такъ же высоко поднимается надъ небесами, какъ глубоко проникаетъ въ бездну, и хотя и небо, и преисподняя въ тысячу разъ обширнѣе его, онъ однако проникаетъ въ нихъ съ невѣроятною быстротою. Станемъ-ли мы послѣ этого отрицать, что ему все доступно, что онъ въ состояніи все вмѣстить въ себѣ?»

«Кромѣ того, разумной душѣ, обитающей въ насъ, даны органы и какъ бы лазутчики и развѣдчики, чрезъ которыхъ она изслѣдуетъ все, что внѣ ея, именно: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе, такъ что ни одно изъ существующихъ гдѣ-нибудь созданій не можетъ укрыться отъ нея. И такъ какъ видимый міръ ничего не содержитъ въ себѣ такого, чего нельзя было бы видѣть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать, и такимъ образомъ распознавать сущность его и свойства; то изъ этого слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего такого, чего не могъ бы постигнуть человѣкъ, одаренный чувствами и разумомъ.

Человѣку врождена также жажда знанія и не только

выносливость въ трудахъ, но и расположеніе къ нимъ. Это обнаруживается уже въ первую пору дѣтства и сопровождаетъ насъ цѣлую жизнь. Кто изъ насъ не стремится постоянно слышать, видѣть или дѣлать что-нибудь новое? Для кого не составляетъ удовольствія ежедневно пойти куда-нибудь, спросить или съ своей стороны рассказать о чемъ-нибудь? Такъ совершенно и бываетъ: глаза, уши, осязаніе, самый умъ, постоянно ища для себя пищи, направляются на внѣшніе предметы, и для живой природы нѣтъ ничего несноснѣе, какъ праздность и бездѣйствіе. И если даже необразованные люди удивляются ученымъ, то не служитъ-ли это признакомъ того, что они чувствуютъ привлекательность какого-то естественнаго стремленія? Они и сами были бы не прочь насладиться ею, если бы могли надѣяться, что это возможно; но такъ какъ они не питаютъ такой надежды, то только вздыхаютъ и съ уваженіемъ смотрятъ на тѣхъ, кого видятъ выше себя».

«Ахъ, остережемся стѣснять дѣйствіе милости, которую Богъ готовъ въ изобиліи излить на насъ! Ибо если мы, вѣрою насажденные во Христѣ и одаренные духомъ усволенія, если мы, говорю, будемъ говорить, что мы съ нашимъ сѣменемъ неспособны къ тому, что принадлежитъ царствію Божию; то какъ-же Христосъ сказалъ о дѣтяхъ, что таковыхъ есть царство Божіе? Или, какъ Онъ отсылалъ бы насъ къ нимъ, повелѣвая намъ обратиться и быть дѣтьми, если мы хотимъ войти въ царство небесное (Матѣ. 18, 3)? Какимъ образомъ и Апостоль называетъ дѣтей христіанъ (даже если одинъ только изъ родителей вѣрующій) святыми и утверждаютъ, что они чисты (1 Коринѣ. 7, 14)? Даже относительно тѣхъ, которые дѣйствительно впади въ тягчайшіе грѣхи, Апостоль рѣшается утверждать: «такими были нѣкоторые изъ васъ, но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа на-

шего І. Христа и Духомъ Бога нашего (1 Кор. 6, 11). Поэтому, когда мы, настоятельно требуя образованія для дѣтей христіанъ (не порожденія ветхаго Адама, но возрожденія новаго Адама, сыновъ Божіихъ, братьевъ и сестеръ Христовыхъ), признаемъ ихъ способными къ принятію сѣмянъ вѣчности, то это-ли можетъ казаться кому-нибудь невозможнымъ? Вѣдь мы не требуемъ плода отъ дикой маслины, а только помогаемъ отводкамъ, снова привитымъ къ дереву жизни, сростись къ нимъ и принести плодъ.

И такъ пусть остается неизмѣннымъ то положеніе, что для человѣка и естественнѣе, а чрезъ благодать св. Духа и легче сдѣлаться мудрымъ, добродѣтельнымъ и святымъ, чѣмъ случайной порчѣ остановить его совершенствованіе, ибо всякая вещь легко возвращается къ своему естественному состоянію. Это и есть то, о чемъ напоминаетъ Писаніе: «Премудрость легко созерцается любящими ее, она даже упреждаетъ желающихъ познать ее, и ищущими ее безъ труда обрѣтается сидящею у дверей своихъ» (Прем. 6, 12. 13. 14). Извѣстно также изреченіе Венузійскаго поэта (Горація):

«Не закоснѣлъ же никто до того, чтобъ не могъ укротиться,

«Лишь бы ухо склонилъ терпѣливо ко нравоученіямъ».

О средствахъ всеобщаго распространенія въ народѣ образованія Коменскій разсуждаетъ въ рѣчи «О культурѣ природнхъ дарованій».

«Возможно-ли культуру природнхъ дарованій распространить на весь какой-либо народъ, и какимъ образомъ это можетъ быть легче достигнуто въ народѣ, еще недостаточно образованномъ? Я, право, не вижу причины, почему кому-либо возбудить вопросъ объ этой возможности, когда имѣются свидѣтельства самихъ вещей, что блестя-

щая образованность уже существуетъ у многихъ народовъ, хотя полная едва-ли у кого-либо. Очевидно, однако, что можно быть и вполне образованнымъ, если къ этому дѣлу прилагается трудъ съ полнымъ усердіемъ и ревностью, такъ какъ вовсе не трудно, а тѣмъ болѣе не невозможно подвигать извѣстное дѣло туда, куда оно уже само по себѣ клонится, лишь-бы устранялись препятствія».

«Такихъ средствъ, служащихъ общему образованію восемь».

«I. Первое состоитъ въ томъ, чтобы родители и кормильцы полагали первое основаніе счастливому развитію дарованій»...

«II. На второмъ мѣстѣ будутъ воспитатели, попеченію которыхъ родители ввѣряютъ сыновей съ тою цѣлью, чтобы первые не упустили ни одного удобнаго случая — въ дарованія еще слабыя, но уже предрасположенныя къ росту, вливать все доброе, подавать примѣры честности, указывать образцы всякихъ разумныхъ дѣйствій и остроумной рѣчи и, такимъ образомъ, напечатлѣвать въ нихъ образъ Божій и умѣло вылѣпливать этихъ своихъ меркуріевъ. Велика польза этого дѣла, если оно ведется разумно, потому что этотъ первый возрастъ гибокъ какъ воскъ и, подобно обезьянамъ, подражаетъ всему, что только видитъ, хорошему и худому. Отсюда самый вѣрный выводъ: мы остаемся на всю жизнь такими, какими насъ сдѣлало отроческое воспитаніе.

III. Третьимъ средствомъ общественнаго образованія будутъ общественныя школы, какъ-бы общественныя мастерскія гуманности. Здѣсь надежными учителями, поставленными общественнымъ авторитетомъ, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему вѣровать, что говорить и что дѣлать; здѣсь-же усерднымъ и непрерывнымъ упражненіемъ во всемъ хорошемъ вырабатывается

и утверждается въ дѣлахъ сущность науки, мудрости, добродѣтели и краснорѣчія. Все это совершается пріятно, когда учителя все слышимое осуществляютъ на дѣлѣ, будучи какъ-бы ходячими бібліотеками и живыми примѣрами всего, что нужно дѣлать и чего избѣгать, такъ что подражать имъ будетъ и легко и безопасно. Ибо легко слѣдовать правильно за тѣмъ, кто правильно идетъ впереди, и «каковъ вождь, таковы и воины». Счастливъ народъ, который наставляется въ многочисленныхъ и разумно устроенныхъ школахъ!

IV. Четвертое орудіе общаго образованія въ школахъ и внѣ школъ — хорошія книги, вливаюція въ дарованіе болѣе широкое пониманіе вещей, обиліе добродѣтелей и потоки краснорѣчія. Разумѣю именно хорошія книги, ибо если онѣ дѣйствительно хорошо и мудро написаны, тѣ представляютъ по-истинѣ оселокъ дарованій, напилокъ (для изошренія) разума, бальзамъ глазъ, воронку мудрости, зеркало чужихъ мыслей и дѣйствій и правило нашихъ собственныхъ. Если бы народъ какого-либо племени былъ переполненъ такими книгами, онъ былъ-бы озаренъ свѣтомъ. Повторяю: если народъ какого-нибудь племени будетъ обладать хорошими книгами, онъ будетъ озаренъ свѣтомъ.

V. Слѣдующее пятое орудіе изошренія дарованій—частое общеніе съ мужами учеными, благочестивыми, дѣятельными и краснорѣчивыми, имѣющее скрытую но самую дѣйствительную силу для нашего улучшенія».

VI. «Однако, недостаточно жить въ сообществѣ съ мудрецами: сами юноши должны постоянно упражняться въ дѣйствіяхъ, чтобы привыкать всю жизнь проводить въ трудѣ; только тогда выйдутъ изъ нихъ будущіе мастера, если таковыми сдѣлаетъ ихъ навыкъ».

VII. Седьмое средство—сами мудрые правители и ихъ

благочестиворевностное попеченіе, чтобы у подвластных не было недостатка въ школахъ, у школь—въ учителяхъ, у учителей—въ ученикахъ, у учениковъ — въ книгахъ и прочемъ необходимомъ, у всѣхъ же—въ мирѣ, тишинѣ и общественномъ спокойствіи. Такъ пеклись о своихъ народахъ Давидъ, Соломонъ, Иосафать и другіе благочестивые цари... «О если-бы такихъ Карловъ, Антониновъ, Юстиніановъ, Константиновъ, Иосафатовъ, Соломоновъ, Давидовъ воздвигнулъ Богъ среди всѣхъ, доселѣ необразованныхъ народовъ! Тогда-бы шаръ земной могъ отъ варварства перенестись къ блеску!

VIII. Наконецъ, послѣдній и болѣе всѣхъ необходимый пособникъ при культурѣ дарованій есть благодать Божія.

Если кто-нибудь скажетъ, что все это у насъ есть и дѣлается, то на это можно отвѣтить: да, дѣлается, но мало! дѣлается, но вяло! дѣлается, но скверно! Если бы это было не такъ, то не казалось бы столь справедливымъ по отношенію къ намъ русскимъ то, что говоритъ далѣе Коменскій въ той-же рѣчи «О развитіи природныхъ дарованій», хотя эти слова и были обращены къ венгерскому народу.

«Уже возникаетъ вопросъ о моемъ и вашемъ народѣ: имѣютъ-ли они потребность быть призванными къ нѣкоей лучшей образованности и какимъ образомъ. Поводъ къ сомнѣнію представляетъ врожденное человѣческой природѣ самолюбіе и слѣпое пристрастіе къ себѣ, которое не видитъ собственныхъ недостатковъ. Мы также люди и также можемъ страдать человѣческими недугами. Ибо хотя и весьма достоверно, что въ иномъ народѣ нѣтъ никакой обработки природныхъ дарованій; въ иномъ—она слаба и причисляется къ вещамъ второстепеннымъ; въ иномъ хотя и существуетъ, но превратна, такъ какъ направлена на одинъ внѣшній и свѣтскій лоскъ; кое-гдѣ хотя и направ-

лена къ лучшему, но скудна и холодна; — однако какъ мало такихъ, которые признали-бы эти недостатки, оставаясь довольными собою, своими привычками и нравами! Известно, что большинство самообольщается и любитъ собственныя язвы: вотъ почему слѣдуетъ кое-что сказать объ этомъ предметѣ; однако кратко и осторожно, такъ какъ никто не любитъ, когда неосторожно дотрагиваются до его язвъ. Я признаю, конечно, что въ народѣ вашемъ доселѣ не была вовсе забыта культура природныхъ дарованій; не доставало лишь болѣе тщательной. Чтобы и вы сами признали это, — если еще не признали, — я осмѣлюсь сравнить обработку вашихъ дарованій съ обработкою вашей земли. Что послѣдняя у васъ воздѣлывается, это доказываетъ урожай хлѣба, вина, скота; но что она воздѣлывается не настолько, насколько возможно, доказываютъ существующіе до сихъ поръ пустыри, или полупустыри, и поверхностная обработка остальныхъ земель. Вотъ почему производство всего необходимѣйшаго для жизни, (не говоря уже о предметахъ роскоши), не является столь разнообразнымъ, какъ это возможно въ такой благодатной странѣ. Ни зданій, ни одеждъ, ни утвари нѣтъ въ такомъ количествѣ и совершенствѣ, какъ въ другихъ странахъ; ни сель, ни мѣстечекъ, ни городовъ столь-же населенныхъ; ни, наконецъ, ископаемыхъ вашихъ богатствъ — металловъ и драгоценныхъ камней, которыхъ вы не добываете собственнымъ трудомъ, оставляя ихъ другимъ для обогащенія.» Далѣе: «Не ради витійства говорю я это, мияые сосѣди, но чтобы воодушевить васъ къ познанію своихъ достоинствъ и къ достиженію того, чего имъ еще не достаетъ до полного совершенства. Упамъ я не даю ничего, но стараюсь воздѣйствовать на души. Докажите, прошу васъ, что ваша земля обладаетъ не однѣми обширными равнинами, которыя затопляются болотными водами;

но богата также и горами, и источниками живыхъ водъ, доставляющихъ превосходное орошеніе. Докажите, говорю, что у васъ дома имѣются источники не только воды, но и духовныхъ дарованій. Докажите, что вы владѣете не только рудниками золота въ нѣдрахъ земли вашей, но и рудниками мудрости въ душахъ вашихъ. Рѣшитесь мужественно стряхнуть съ себя скиѣскую скверну, если что-нибудь отъ нея еще осталось въ васъ, чтобы явиться, наконецъ, въ полномъ блескѣ».

ГЛАВА П.

Идеаль семейнаго воспитанія.

Какъ физическое развитіе человѣка продолжается до 25-лѣтняго возраста, такъ и его нравственное совершенствованіе требуетъ стольже продолжительнаго времени подготовки.

«Для того, чтобы человѣкъ могъ развить въ себѣ всѣ человѣческія свойства, Богъ и далъ ему юношескіе годы, въ которые онъ, оставаясь неспособнымъ къ прочимъ дѣламъ, оказывался бы способнымъ только къ образованію. Въ самомъ дѣлѣ, лошадь, волъ, слонъ и прочія животныя, какъ бы ни были они велики, достигаютъ полнаго своего роста въ одинъ или два года; одинъ только человѣкъ едва 20 или 30 лѣтъ достигаетъ этого. Если-бы кто воображалъ, что это происходитъ случайно или отъ какихъ-то постороннихъ причинъ, то этимъ онъ, дѣйствительно, выказалъ бы свое тупоуміе» (Вел. дид.).

«Для изученія искусствъ, наукъ и языковъ должны быть установлены періоды времени, чтобы въ теченіи опредѣленнаго числа лѣтъ заканчивался весь кругъ знаній (энциклопедія) и чтобы изъ этихъ мастерскихъ гуманности

выходили люди истинно-образованные и истинно благочестивые».

«Чтобы достигнуть этой цѣли, мы беремъ на упражненія природныхъ способностей весь юношеской возрастъ, начиная съ дѣтства до возмужалости, именно 24 года, которые надо раздѣлить на опредѣленные періоды», или ступени, какихъ Коменскій находить четыре: «дѣтство, отрочество, юность и молодость, назначая при этомъ для каждой ступени шестилѣтней срокъ и особенную школу, такъ что

I для дѣтства	$\left\{ \begin{array}{l} \text{школой} \\ \text{должны} \\ \text{служить} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{любо матери,} \\ \text{школы грамоты, или общественная школа} \\ \text{роднаго языка,} \\ \text{латинская школа, или гимназія,} \\ \text{академія и путешествія.} \end{array} \right.$
II » отрочества		
III » юности		
IV » молодости		

«Притомъ материнская школа должна быть въ каждомъ домѣ; школа роднаго языка въ каждой общинѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ; гимназія въ каждомъ большомъ городѣ, академія въ каждомъ государствѣ или даже въ каждой болѣе значительной провинціи.

Однако мы желаемъ, чтобы въ этихъ, хотя и различныхъ школахъ преподавалось не различное, но во всѣхъ одно и то же, только различнымъ образомъ, а именно все, что способно сдѣлать людей истинными людьми, христіанъ— истинными христіанами, образованныхъ — истинно образованными, но соотвѣтственно ступенямъ возраста и степени предшествующей, стремящейся все выше и выше, подготовки. Ибо учебные предметы, согласно законамъ этой естественной методы, нельзя разъединять, но слѣдуетъ преподавать всегда одновременно на подобіе того, какъ ростъ дерева происходитъ всегда заразъ во всѣхъ его частяхъ, одинаково какъ въ этомъ году, такъ и въ будущемъ, и такъ далѣе потомъ хоть сотню лѣтъ, пока дерево будетъ существовать.

Различіе же въ преподаваніи будетъ троякаго рода. Вопервыхъ то, что въ первоначальныхъ школахъ все будетъ преподаваться въ болѣе общемъ и необработанномъ видѣ, а въ послѣдующихъ все подробнѣе и отчетливѣе, такимъ же образомъ, какъ дерево съ каждымъ новымъ годомъ пускаетъ все больше корней и сучьевъ, все болѣе крѣпнеть и болѣе приносить плодовъ.

Вовторыхъ, въ первой школѣ, материнской, будутъ упражняться преимущественно внѣшнія чувства, чтобы дѣти пріучились надлежащимъ образомъ обращаться съ окружающими ихъ предметами и различать ихъ. Въ народной школѣ будутъ упражняться болѣе внутреннія чувства, воображеніе и память, но одновременно съ ихъ исполнительными органами, рукою и языкомъ, чрезъ чтеніе, письмо, рисованіе, пѣніе, счисленіе, измѣреніе, взвѣшиваніе и закрѣпленіе въ памяти разнаго матеріала. Въ гимназіи будутъ развиваться пониманіе и сужденіе обо всемъ, накопленномъ чувствами, матеріалѣ съ помощью діалектики, грамматики, реторики и другихъ реальныхъ наукъ и искусствъ, излагаемыхъ по способу «что» и «потому что». Наконецъ, академіи будутъ развивать преимущественно то, что относится къ области воли. Именно, способности учающія поддерживать душевную гармонію, будутъ развивать богословіе, умъ - философія, о жизненныхъ отправленіяхъ тѣла будетъ заботиться медицина, о внѣшнихъ благахъ юриспруденція».

«Третье различіе будетъ заключаться въ томъ, что въ низшихъ школахъ, материнской и родного языка, будутъ обучаться всѣ дѣти обоего пола, а въ латинской будутъ получать образованіе преимущественно тѣ юноши, которые не простираютъ свои стремленія дальше ремеслъ; академіи же будутъ готовить будущихъ учителей и руководителей другихъ, чтобы церкви, школы и общественныя

дѣла никогда не имѣли недостатка въ способныхъ руководителяхъ» (Велик. дид.).

Материнская школа должна «обучать и упражнять дитя въ первыя шесть лѣтъ его жизни»:

- 1) въ разумѣніи;
- 2) въ работѣ и искусствахъ;
- 3) въ языкѣ;
- 4) въ нравахъ и добродѣтеляхъ;
- 5) въ благочестіи.

«Какъ много значить, чтобы ребенокъ съ первыхъ же нѣжныхъ годовъ былъ надлежащимъ образомъ воспитываемъ и приобрѣталъ хорошія привычки, это природа съ достаточной очевидностью показываетъ намъ на другихъ вещахъ, которыя достигаютъ своего совершенства или развитія благодаря извѣстному уходу или росту. На деревѣ можно видѣть, что, какой видъ придадутъ вѣтвямъ послѣ посадки или прививки, въ такомъ видѣ онѣ потомъ являются и распространяются. Какъ родилось или обучено было въ первые годы своей жизни животное, такимъ оно и остается потомъ въ старости. Такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ и съ человѣкамъ, а если мы посмотримъ на естественный путь природы, то увидимъ, что дѣло не происходитъ иначе.

Ибо, хотя изъ дурно воспитаннаго въ дѣтствѣ мальчика впоследствии можетъ еще выйти что-нибудь дѣльное и хорошее, — Богу вовсе не трудно и взрослому обратить на путь или измѣнить совершенно, — но обычное теченіе здѣшней жизни и природы рѣдко являетъ нѣчто иное, чѣмъ то, на что съ самаго начала было направлено воспитаніе. Мало того, тѣмъ увѣреннѣе ждутъ утѣшенія на старости отъ того, къ чему стремились въ ранней юности.

Поэтому родители должны своевременно приложить къ этому руки и не откладывать воспитанія своихъ дѣтей до

того времени, когда они попадутъ въ руки учителей и проповѣдниковъ (потому что выпрямить криво выросшее дерево и сдѣлать садъ изъ поросшаго терновникомъ лѣса— есть почти невозможная работа); они должны сами умѣть надлежащимъ образомъ обращаться со своими дѣтьми, чтобы послѣднія, подѣ ихъ руководствомъ, преуспѣвали въ ростѣ, въ мудрости, въ милости у Бога и любви у людей.

Но уже неоднократно было сказано, что тотъ кто, хочеть быть полезнымъ Богу и людямъ, долженъ быть наставляемъ въ страхѣ Божиѣмъ, добрыхъ нравахъ и свободныхъ искусствахъ; поэтому родители должны заложить хорошія основанія всему этому въ этой первой домашней школѣ. И такъ теперь слѣдуетъ показать, на что они должны обратить вниманіе въ первыя шесть лѣтъ жизни ребенка и какія средства могутъ оказать имъ помощь.

I. Благочестіе, настоящее и праведное, состоитъ въ трехъ пунктахъ:

а) въ томъ, чтобы наше сердце вездѣ стремилось къ Богу и искало Его во всѣхъ Его дѣлахъ;

б) чтобы, замѣчая вездѣ дѣла рукъ Божиихъ, оно вездѣ чтило Господа Бога со страхомъ, любовью и послушаніемъ;

с) чтобы, непрерывно такимъ образомъ памятуя о своемъ Богѣ и соединяясь съ Нимъ, оно находило также въ Немъ миръ, радость и утѣшеніе.

II. Что касается до нравовъ и добродѣтелей, то дѣти должны быть приучены:

а) къ умѣренности, чтобы они привыкли ѣсть и пить сколько нужно, и сверхъ необходимости не наѣдались и не напивались;

б) къ чистотѣ и опрятности въ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ и при этомъ бережливости въ своихъ вещахъ;

с) къ почтительности относительно старшихъ, чтобы

имѣть тщательное наблюденіе за своими словами, поступками и взглядами;

d) къ послушанію, чтобы быть готовыми слушаться каждаго слова своихъ родителей;

e) крайне необходимо приучать ихъ говорить правду, — чтобы всѣ ихъ слова были, какъ учить Христось: да, да, нѣтъ, нѣтъ; лгать же и говорить не то, что есть на дѣлѣ, они не должны приучаться ни въ шутку, ни серьезно;

f) они должны учиться справедливости, чтобы не трогать и не брать чужихъ вещей, не красть, не укрывать ихъ, не дѣлать ничего въ досаду кому-либо и не огорчать другихъ;

g) они должны приучаться къ любви и благотворительности, чтобы охотно давать и дѣлиться, не быть жадными, завистливыми, недоброжелательными;

h) очень хорошо также приучать ихъ къ работѣ, чтобы они учились избѣгать праздности;

i) они должны не только учиться говорить, но и молчать, когда это необходимо, напр., когда другіе молятся или когда говорятъ старшіе;

k) они должны также упражняться въ терпѣніи, чтобы уже съ юныхъ лѣтъ, прежде нежели вкоренятся страсти, учиться переламывать и сдерживать себя;

l) съ дѣтства же слѣдуетъ ихъ приучать съ готовностью и охотой услуживать старшимъ, что составляетъ лучшее украшеніе юности;

m) затѣмъ должна слѣдовать вѣжливость въ манерахъ, чтобы они привѣтливо держались, здоровались, благодарили, давали ручку, кланялись, если имъ что-нибудь даютъ и т. д.

n) и, чтобы они это дѣлали безъ дикихъ и глупыхъ кривляній, они должны быть приучены къ скромности, т. е. держаться застѣнчиво и стыдливо.

Обученное этимъ добродѣтелямъ дитя легко обрѣтетъ себѣ, какъ сказано про Христа, благоволеніе у Бога и у людей.

III. Что же касается искусствъ, то они дѣлятся на три разряда. Ибо въ жизни мы учимся одни вещи знать, другія—дѣлать, третьи—говорить, или — мы учимся все, что полезно, знать, дѣлать и говорить.

A. Что касается познанія

a) вещей природы, то шестилѣтнее дитя можно довести до того, что оно сумѣетъ назвать стихіи: землю, воду, воздухъ, огонь, также дождь, снѣгъ, ледъ, свинецъ, желѣзо и т. п., будетъ различать нѣкоторыя растенія и знать, что такое трава, дерево, рыба, птица, звѣрь, и т. п. Наконецъ, дитя можетъ также узнать названія и работу внѣшнихъ членовъ своего тѣла. Все это очень легко, а между тѣмъ это—начало всей физики, или науки о природѣ.

b) Въ оптикѣ ребенокъ успѣлъ достаточно, если онъ понимаетъ, что свѣтло и что темно, и знаетъ различія и названія нѣкоторыхъ цвѣтовъ: бѣлаго, чернаго и т. п.

c) Началами астрономіи обладаетъ ребенокъ, если онъ умѣетъ узнавать солнце и луну и вообще понимаетъ, что такое звѣзда.

d) Первые шаги въ географіи будутъ сдѣланы тогда, когда онъ будетъ знать, какъ называется то мѣсто, гдѣ онъ родился или живетъ,—деревня ли это, мѣстечко, городъ или замокъ, а также, если онъ понимаетъ, что такое поле, лугъ, гора, лѣсъ, рѣчка.

e) Началомъ хронологіи будетъ—знать, что такое часъ, день, ночь, недѣля, а также зима и лѣто.

f) Началомъ исторіи,—если онъ можетъ думать о томъ, что произошло за два, за три или за четыре года передъ тѣмъ, хотя бы это были совсѣмъ ничтожныя происшествія,

и, хоть и слабо, какъ бы сквозь туманъ, вспоминать объ этомъ.

г) Въ хозяйствѣ онъ долженъ знать, кто изъ челяди принадлежитъ къ дому и кто нѣтъ.

h) Въ политикѣ началомъ будетъ, если онъ научится понимать, что извѣстное лицо въ городѣ называется головой, совѣтникомъ или намѣстникомъ, что горожане иногда собираются въ думѣ.

В. Что касается дѣятельности, то нѣкоторыя вещи исполняются посредствомъ духа и языка, какъ діалектика, ариѳметика, геометрія, музыка, другія — посредствомъ духа и рукъ, какъ всевозможныя ручныя работы.

а) Въ діалектикѣ за первыя шесть лѣтъ должно быть положено такое начало, чтобы ребенокъ научился понимать, что такое вопросъ и отвѣтъ, и привыкъ всегда точно отвѣчать на вопросъ, такъ чтобы не выходило, что одинъ говоритъ о чеснокѣ, а другой — о лукѣ.

б) Основаніями ариѳметики дѣти будутъ обладать тогда, когда они знаютъ, что такое мало и что много, когда они могутъ считать до двадцати и понимать, что равно и что не равно, что три больше двухъ и что, если къ одному прибавить три, то выйдетъ четыре и т. п.

с) Началами геометріи будетъ, если они научатся понимать, что велико или мало, длинно или коротко, узко или широко, толсто или тонко, равнымъ образомъ, что такое пядь, локоть, сажень.

д) Ихъ музыкой будетъ умѣнье пѣть наизусть нѣсколько стиховъ.

е) Началомъ ремесла — если они умѣютъ что-нибудь срѣзать, обчистить, привязать, развязать, сложить и т. п., какъ обыкновенно это дѣлаютъ дѣти.

С. Что же касается рѣчи, то производить ее языкъ,

который формируется и отшлифовывается посредством грамматики, риторики и поэзии.

а) Грамматикой для первых шести лѣтъ будетъ, если ребенокъ все, что онъ понимаетъ, можетъ ясно и толково выразить на своемъ родномъ языкѣ.

б) Риторика въ этомъ возрастѣ заключается въ томъ, чтобы до нѣкоторой степени употреблять жесты, насколько ихъ даетъ природа, и подражать тропамъ и фигурамъ, которыя онъ слышитъ.

в) Началомъ поэзіи будетъ—заучиванье наизусть нѣкоторыхъ стихотвореній или риѐмъ («Материнская школа», переводъ съ нѣмецкаго Адольфа и Любомудрова).

Какими средствами можно достигнуть всего этого, Коменскій показываетъ въ остальныхъ главахъ «Материнской школы», но и кромѣ указываемыхъ различными педагогами средствъ здѣсь конечно могутъ быть приложены всѣ средства, какія подскажетъ родителямъ и воспитателямъ разумная любовь къ дѣтямъ, природный тактъ и опытность въ дѣлѣ воспитанія. Коменскій говоритъ, что такая «Материнская школа» должна быть въ каждой семьѣ, но много ли у насъ въ настоящее время такихъ семействъ, гдѣ бы прилагалась столь обширная и стройная система воспитанія и обученія, какую рекомендуетъ Коменскій? Если и найдутся такія семьи, гдѣ занимаются умственнымъ развитіемъ ребенка до 6 лѣтъ, то нравственного и религіознаго воспитанія почти нигдѣ не дается въ той мѣрѣ, какъ этого требуетъ Коменскій. Въ общественныя школы поступаютъ у насъ дѣти 10-ти лѣтъ и между ними лишь какъ рѣдкое исключеніе можно встрѣтить дѣтей, получившихъ строгое нравственное и религіозное воспитаніе. Между тѣмъ какую огромную отвѣтственность передъ самими дѣтьми, передъ всѣми людьми и Богомъ возлагаетъ на родителей и воспитателей Коменскій, объ-

являя свой «самый вѣрный выводъ: мы остаемся на всю жизнь такими, какими насъ сдѣлало отроческое воспитаніе!»! Если и возможно отложить до болѣе зрѣлаго возраста умственное образованіе дѣтей, то никакъ нельзя сказать этого о нравственномъ и религіозномъ воспитаніи, такъ какъ, лишь ребенокъ начинаетъ жить и сознавать свои потребности, онъ тотчасъ приходитъ въ столкновеніе съ окружающимъ міромъ и вырабатываетъ себѣ извѣстный образъ дѣйствій, характеръ и нравственныя наклонности, и съ каждымъ днемъ все это развивается и укрѣпляется въ ширь и глубь... Однимъ словомъ образуется, растетъ и укрѣпляется нравственная личность ребенка, и надо думать, что здѣсь это происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ развитіи тѣлеснаго организма, потому что слишкомъ трудно, даже невозможно бываетъ перевоспитать ребенка. Какъ при развитіи тѣла мы наблюдаемъ одновременное развитіе всѣхъ болѣзней и искривленій, если противъ нихъ не принимается мѣръ, такъ точно происходитъ и съ нравственной личностью человѣка: и здѣсь всякое уклоненіе и искривленіе будетъ развиваться и укрѣпляться вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ нравственной личности человѣка. Большое несчастіе людей заключается въ томъ, что нравственныя болѣзни дѣтей менѣе замѣтны, чѣмъ тѣлесныя, и не вызываютъ въ насъ такихъ же опасеній за жизнь ребенка, какъ тѣлесныя болѣзни; но это происходитъ отъ того, что сами родители слишкомъ далеки отъ нравственнаго совершенства и потому нравственные недостатки дѣтей имъ не кажутся очень вредными и опасными, и часто даже остаются незамѣченными, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ не долженъ быть также здоровымъ нравственно, какъ и тѣлесно, какъ будто воздержаніе, ложь, несправедливость и пр. не составляютъ для людей такого же, если не большаго, несчастія, какъ и золотуха, грыжа, дифте-

рить и проч. Разница между тѣлесными и душевными недостатками и болѣзнями заключается къ нашей невыгодѣ и въ томъ, что первые временны и большею частію излѣчимы, а вторые постоянны и большею частью неизлѣчимы. Поэтому правъ Коменскій, говоря: «тѣ родители не удовлетворяютъ своему назначенію, которые учатъ своихъ дѣтей только тому, какъ они должны ѣсть, пить, ходить, говорить, одѣваться и т. п., потому что всѣ эти вещи касаются только тѣла, которое не есть самъ человѣкъ, но только хижина человѣка; въ немъ обитаетъ хозяинъ (т. е. разумная душа), о которомъ мы должны больше заботиться, нежели о внѣшнемъ покровѣ нашего жилища.

Плутархъ хорошо сказалъ о тѣхъ родителяхъ, которые желали своимъ дѣтямъ тѣлесной красоты, здоровья, богатства и почестей и приучали ихъ къ вѣжливости, но мало заботились о томъ, чтобы ихъ души украшены были добродѣтелями, — что они держали въ большемъ почетѣ башмакъ, нежели ногу».

Невозможно статистическими данными доказывать, сколько у насъ семей, въ которыхъ выполняются эти требованія Коменскаго, но едва ли много найдется такихъ родителей, которые въ воспитаніи дѣтей руководятся подобными правилами, и конечно немного такихъ, которые могутъ сказать, что они по мѣрѣ силъ выполняютъ эти требованія, иначе не съ такими дѣтьми приходилось бы намъ имѣть дѣло въ школахъ. Многіе родители говорятъ, что школа развращаетъ ихъ дѣтей, но во первыхъ не школьныя стѣны и не педагоги развращаютъ дѣтей, а товарищи, т. е. дурно воспитанныя дѣти, поступающія въ школу; вовторыхъ, хорошо воспитанный ребенокъ не восприметъ нравственной порчи, а скорѣе осудитъ ее въ своихъ товарищахъ, пожалѣетъ ихъ и постарается оказать и на нихъ доброе вліяніе. Въ школахъ можно бываетъ

наблюдать, какъ дѣти изъ хорошихъ семей съ хорошимъ нравственнымъ воспитаніемъ выдѣляются изъ массы небрежно воспитанныхъ и нравственно испорченныхъ товарищей и всегда остаются для нихъ хорошимъ примѣромъ и ихъ нравственнымъ зеркаломъ. Спросите любого педагога, много ли такихъ дѣтей поступаетъ въ школу, и онъ вамъ скажетъ, что такія дѣти въ школѣ составляютъ рѣдкость. Больше встрѣчается дѣтей, неиспорченныхъ нравственно, но и не получившихъ правильнаго и строгаго нравственно-религіознаго воспитанія, т. е. дѣтей съ неустойчивою нравственностью; такія дѣти конечно могутъ подпасть хорошему или дурному вліянію товарищей, а такъ какъ дурныхъ товарищей больше, чѣмъ хорошихъ, то является и большая опасность дурнаго вліянія, чѣмъ хорошаго. Поэтому родители дорожащіе нравственностью своихъ дѣтей, не должны отдавать ихъ въ школу, пока не будутъ увѣрены въ ихъ нравственной устойчивости.

«Нѣтъ ничего труднѣе, какъ перевоспитать дурно воспитаннаго человѣка», говоритъ Коменскій, и далѣе: отсюда такой необходимый выводъ: если противъ испорченности человѣческаго рода должно примѣнить врачеваніе, то оно должно производиться, главнымъ образомъ, путемъ осторожнаго и тщательнаго воспитанія юношества» (Введ. къ Вел. дид.).

«Блаженной памяти Филиппъ Меланхтонъ, рассказываетъ Коменскій въ первой главѣ «Материнской школы», когда приходилъ въ школу, въ среду юношей, обыкновенно снималъ шляпу и обращался къ нимъ съ такимъ привѣтствіемъ: здравствуйте, достопочтенные господа пасторы, доктора, лиценціаты, суперинтенденты, здравствуйте, высокоуважаемые, мудрые, знаменитые, ученые, господа бургомистры, намѣстники, судьи, канцлеры, секретари, магистры, профессора и пр. Когда же присутствовавшіе приняли это

привѣтствіе за насмѣшку, онъ отвѣчалъ: «Я вовсе не шучу: я вижу въ этихъ дѣтяхъ не то, что они теперь, а то, къ чему они должны быть воспитаны и научены, и я увѣренъ, что изъ этой толпы выйдетъ нѣсколько такихъ мужей, хотя, безъ сомнѣнія, есть уже среди нея высѣвки и мякина». «Однако, продолжаетъ Коменскій, должно думать не о томъ только, чѣмъ они будутъ потомъ и чѣмъ должны быть, но и о томъ, что они теперь, именно драгоценное сокровище Господа Бога и родителей».

«Жизнь человѣческая не зависитъ отъ изобилія его имѣнія, сказалъ Христосъ (Лук. 12, 15); ибо пища не питаетъ человѣка, и повязка не исцѣляетъ, и одежда не согреваетъ, если Богъ лишаетъ Своего благословенія (Второз. 8, 3; Премудр. 16, 12. 26). Но при дѣтяхъ и ради дѣтей всегда пребываетъ благословеніе Божіе, чтобы ихъ можно было пропитать и поддержать. Если Богъ заботится о воронятахъ, когда они вопіютъ къ Нему, то насколько больше Богъ заботится о дѣтяхъ, представляющихъ Его подобіе? Поэтому справедливо сказалъ докторъ Лютеръ: Не мы питаемъ дѣтей, но дѣти питаютъ насъ, ибо ради ихъ невинности Богъ даетъ намъ все необходимое, и мы, старые грѣшники, кормимся около нихъ».

ГЛАВА III.

Завѣты общественнаго воспитанія и просвѣщенія.

Второе шестилѣтіе Коменскій отдаетъ школѣ родного языка, или народной школѣ.

«Школа родного языка должна имѣть задачей и цѣлью научить всѣхъ дѣтей отъ шестого до двѣнадцатаго включительно (или 13-го) года жизни тому, чѣмъ они могли

бы пользоваться цѣлую жизнь. Именно она должна научить ихъ:

I) бѣгло читать на родномъ языкѣ все, какъ печатное, такъ и написанное;

II) писать сперва правильно, потомъ скоро, наконецъ, точно, согласно существующимъ въ грамматикѣ родного языка правиламъ, которыя надо излагать въ самой популярной формѣ; къ нимъ должны примыкать упражненія;

III) считать цифрами и на счетахъ, смотря по надобности;

IV) искусно измѣрять всякаго рода протяженія: длину, ширину, разстоянія и т. д.;

V) пѣть всѣ употребительныя мелодіи, а болѣе способныхъ учениковъ научить также началамъ художественной музыки;

VI) знать наизусть почти всѣ псалмы и священные пѣснопѣнія, которыя имѣютъ повсемѣстное употребленіе въ церкви, чтобы ученики, воспитанные въ прославленіи Бога, умѣли (какъ говорить Апостоль) самихъ себя поучать и увѣщевать чрезъ псалмы, хваленія и духовныя пѣсни, и могли воспѣвать ихъ, благодаря Бога въ сердцахъ своихъ.

VII) Кромѣ катехизиса дѣти должны знать самымъ точнымъ образомъ библейскую исторію и важнѣйшія изреченія изъ всего Св. Писанія, такъ чтобы могли ихъ повторять вслухъ.

VIII) Нравственное ученіе, сведенное въ правила и поясненное примѣрами сообразно степени понятливости въ этомъ возрастѣ, они должны помнить, понимать и привыкать прилагать его въ своей дѣятельности.

IX) Относительно домоводства и государственнаго устройства достаточно, если они узнаютъ столько, сколько

это необходимо для пониманія того, что они видятъ ежедневно совершающимся дома и среди гражданъ.

X) Они должны также хорошо знать въ самыхъ общихъ чертахъ исторію, именно: о сотвореніи міра, грѣхопадении, искупленіи и управленіи міра мудростію Божіею, вплоть до настоящаго времени.

XI) Изъ космографіи они должны знать главное; именно объ округлости неба, о шарообразности висящей въ срединѣ его земли, объ окружающемъ ее океанѣ, о разнообразныхъ изгибахъ морей и рѣкъ, о частяхъ свѣта, о главныхъ государствахъ Европы; но особенно они должны изучить города, горы, рѣки собственнаго своего отечества, а также и другія достопримѣчательности.

XII) Наконецъ, относительно механическихъ искусствъ они должны знать почти все хотя въ общихъ чертахъ, чтобы не быть грубыми невѣждами въ томъ, что совершается въ человѣческихъ дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи легче проявилась природная склонность, къ чему каждый преимущественно имѣетъ стремленіе.

Если все это будетъ искусно приведено въ исполненіе въ этой народной школѣ, то не только тѣ юноши, которые поступятъ въ латинскую школу, но также и тѣ, которые, разойдясь по выходѣ изъ народной школы, займутся земледѣліемъ и ремеслами, нигдѣ не встрѣтятъ ничего настолько новаго для себя, о чемъ они не получили бы понятія уже въ школѣ; поэтому, съ чѣмъ бы каждому изъ нихъ потомъ ни приходилось имѣть дѣло по своему занятію, что бы ему ни пришлось услышать въ собраніяхъ ли, по случаю богослуженія, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что бы, наконецъ, ни прочиталъ онъ въ какихъ-либо книгахъ, все это будетъ для него не что иное, какъ или болѣе полное разъясненіе уже раньше узнаннаго или

болѣе подробное развитіе его, и они на самомъ дѣлѣ испытываютъ свою способность правильнѣе и понимать, и дѣйствовать, и судить обо всемъ этомъ.

Для достиженія этой цѣли должны служить слѣдующія средства.

I) Всю массу учениковъ народной школы, которую приходится удерживать при этихъ занятіяхъ въ продолженіе 6 лѣтъ, надо раздѣлить на 6 классовъ (которые, на сколько можно, должны занимать и особыя помѣщенія), чтобы не мѣшать другъ другу.

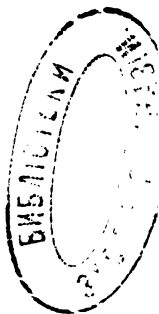
II) Въ каждомъ классѣ долженъ быть спеціально назначенный для него учебникъ, который бы исчерпывалъ собою все, относящееся къ этому классу (весь матеріалъ, относящійся къ наукѣ, нравственности и благочестію), для того, чтобы не было надобности сверхъ того ни въ какихъ другихъ книгахъ, пока дѣтей будутъ вести въ этихъ рамкахъ, и чтобы они въ тоже время съ помощью этихъ книгъ могли безъ уклоненій быть доведены до цѣли. Ибо эти книги должны исчерпывать весь родной языкъ, т. е. всѣ наименованія тѣхъ предметовъ, какія дѣти способны понять по своему возрасту, точно также главнѣйшіе и употребительнѣйшіе способы выраженія.

Соотвѣтственно числу классовъ должно быть и шесть книжекъ, различающихся между собой не столько матеріаломъ, сколько формой. Ибо всѣ онѣ будутъ толковать обо всемъ, но каждая предшествующая будетъ предлагать болѣе общее, болѣе знакомое, болѣе легкое, а каждая послѣдующая будетъ вести разсудокъ къ болѣе спеціальному, къ менѣе знакомому и болѣе трудному, или сообщать какой-нибудь новый способъ разсмотрѣнія тѣхъ же самыхъ предметовъ, чтобы доставить умамъ новое развлеченіе, какъ это вскорѣ будетъ видно.

Ибо надо заботиться о томъ, чтобы все здѣсь было

приспособлено къ наклонностямъ дѣтей, которыя по своей природѣ стремятся къ пріятному, забавному и веселому, а отъ серьезнаго и строгаго обыкновенно отвращаются. Слѣдовательно, для того чтобы серьезное, хотя бы нѣкогда и очень полезное, не только изучалось, но и изучалось легко и съ удовольствіемъ, слѣдуетъ всегда съ полезнымъ соединять пріятное, чтобы этой какъ бы постоянной приманкой привлекать умы и завлекать ихъ туда, куда мы хотимъ» (Велик. дид.).

Если мы припомнимъ, что по желанію Коменскаго такая шестиклассная народная школа должна быть въ каждомъ селеніи, то будетъ ясно, какъ еще далеки мы отъ исполненія завѣтовъ Коменскаго; если сравнимъ курсъ его народной школы съ курсомъ нашихъ народныхъ школъ, то и въ этомъ отношеніи еще нужно желать многого. Мы какъ будто боимся, чтобы нашъ мужикъ не сталъ слишкомъ уменъ и образованъ, а потому и съуживаемъ курсъ народной школы простой грамотностью, которая затѣмъ скоро и утрачивается за неимѣніемъ пищи и потребности въ дальнѣйшемъ образованіи. Коменскій соглашается съ мыслью, что тѣ юноши, которые не выкажутъ стремленія къ дальнѣйшему образованію, ограничатся народной школой и обратятся къ земледѣлію и ремесламъ. Съ другой стороны, Коменскій принимаетъ въ свою «Школу всемудрости» 12-лѣтнихъ мальчиковъ, умѣющихъ только читать. Курсъ народной школы не настолько важенъ и обширенъ, чтобы дѣти подготовляющіяся къ высшему образованію, посвящали этому курсу шести-лѣтній періодъ времени. У насъ этотъ курсъ отчасти проходитъ въ приготовительномъ классѣ, отчасти въ самой гимназіи и, вообще, удобно соединяется съ гимназическимъ. Къ нашей средней общеобразовательной школѣ близко подходитъ курсъ «Латинской школы» Коменскаго.

«Цѣлями ея мы назначаемъ полное усвоеніе всего круга искусствъ и четырехъ языковъ т. е. мы должны, надлежащимъ образомъ проведя дѣтей черезъ эти классы, сдѣлать ихъ:

I) грамматиками, способными дать отчетъ во всѣхъ явленіяхъ языка, притомъ относительно латинскаго и роднаго языка—въ совершенствѣ, а относительно греческаго и еврейскаго—въ предѣлахъ надобности;

II) діалектиками, искусными въ составленіи опредѣленій, раздѣленій, въ составленіи и разрѣшеніи умозаключеній;

III) реториками или ораторами, умѣющими изящно говорить о каждомъ данномъ предметѣ;

IV) ариѳметиками и

V) геометрами, какъ въ виду разнообразныхъ требованій жизни, такъ и по той причинѣ, что эти науки особенно возбуждаютъ и изоощраютъ умъ для другихъ занятій;

VI) музыкантами—практиками и теоретиками;

VII) астрономами, знающими, по крайней мѣрѣ, основы науки, именно ученіе о шарообразности земли и астрономическія вычисленія, такъ какъ безъ этихъ знаній для нихъ будетъ не ясно не только естествовѣдѣніе, но и географія и даже въ большей своей части исторія.

Это и есть тѣ пресловутыя семь свободныхъ искусствъ, знаніе которыхъ необходимо, какъ думаетъ публика, для магистра философіи. Но наши ученики, чтобы достигнуть высшаго знанія, должны быть сверхъ того

VIII) естествовѣдами, способными понимать устройство вселенной, свойство элементовъ, отличительные признаки животныхъ, свойства растеній и металловъ, строеніе челоувѣческаго тѣла и т. д., не только вообще, какъ эти предметы существуютъ сами по себѣ, но и въ примѣненіи ихъ къ нашимъ потребностямъ, что составитъ содержаніе медицины, земледѣлія и механическихъ искусствъ;

IX) географами, которые могли бы представить себѣ въ умѣ картину земной поверхности, морей съ островами, рѣкъ, государствъ и т. д.;

Ц) хронологами, которые помнили бы течение вѣковъ отъ начала міра, со всѣми ихъ подраздѣленіями;

XI) историками, которые умѣли бы перечислить большую часть достопримѣчательныхъ перемѣнъ въ жизни рода человѣческаго, главныхъ государствъ и Церкви и всевозможные обычаи и судьбы народовъ и людей,

XII) этиками, которые умѣли бы точно наблюдать роды и различія добродѣтелей и пороковъ и послѣднихъ избѣгать, а первымъ подражать, имѣя не только общее понятіе о нихъ, но и частное въ ихъ отношеніи къ домашней, государственной, церковной жизни и т. д.

XIII) Наконецъ, мы желаемъ, чтобы они сдѣлались богословами, которые бы не только знали основы своей вѣры, но и умѣли защищать ее на основаніи Писанія.

Во всемъ этомъ юноши, по окончаніи этого шестилѣтняго курса ученія, должны оказаться если не совершенно свѣдущими (ибо, съ одной стороны, полное совершенство недоступно юношескому возрасту, такъ какъ для подкрѣпленія теоріи практикою имъ необходимъ болѣе продолжительный опытъ, а съ другой стороны, невозможно въ продолженіе какихъ-нибудь шести лѣтъ исчерпать океанъ знаній), то, по крайней мѣрѣ, имѣющими твердыя основы для будущаго, такъ сказать, совершеннаго знанія (Велик. дид.).

Къ программѣ латинской школы близко подходитъ другое, впослѣдствіи написанное Коменскимъ, сочиненіе «Школа всемудрости», это и есть та общеобразовательная средняя школа, которую представляютъ собою нынѣшнія гимназіи. «Школа всемудрости» принимаетъ учениковъ, уже умѣющихъ читать, и держитъ ихъ до 17 или даже

19-лѣтняго возраста въ продолженіе 7 лѣтъ, раздѣляясь на семь классовъ.

«Мы желаемъ школы мудрости, и притомъ всеобщей мудрости, пансофической школы, т. е. мастерской, гдѣ всѣ допускаются до образованія, обучаются всѣмъ предметамъ, нужнымъ для настоящей и будущей жизни и притомъ въ совершенной полнотѣ. И все это должно вестись столь надежнымъ путемъ, чтобы изъ обучавшихся въ ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не зналъ о вещахъ, совершенно ничего не понималъ, и не былъ въ состояніи сдѣлать вѣрнаго и необходимаго примѣненія того, чему научился, или не умѣлъ бы чего-нибудь выразить какъ слѣдуетъ.

Мы желаемъ, чтобы всѣ получили такое образованіе, чтобы всякій, кто родился человѣкомъ, т. е. созданъ по подобію Божію и предназначенъ Богомъ для вѣчнаго блаженства, но призванъ слѣдовать среди бурь житейскихъ, былъ предохраненъ отъ опасностей и метаній въ различныя стороны, и такъ не погибъ на вѣки, сбившись съ пути къ пристанищу вѣчнаго покоя. Въ этомъ все главное для каждаго человѣка (Эккл. 12,13). Этого всѣ должны беречься больше всего (именно вѣчныхъ опасностей для души), хотя невозможно всѣмъ дойти до того, чтобы изучить всѣ подробности истины и добра (ибо онѣ безконечны), но всѣ могутъ понять ихъ и наслаждаться ими.

Мы желаемъ, чтобы новички мудрости были обучаемы всѣмъ вещамъ, во первыхъ, чтобы духъ исполнился свѣта познанія тѣхъ вещей, незнаніе которыхъ можетъ быть вреднымъ. Руки вмѣстѣ съ другими силами должны быть сдѣланы способными на всякое хорошее дѣло; языкъ, наконецъ, долженъ обладать приличнымъ для него краснорѣчіемъ.

Мы желаемъ, чтобы умамъ внѣдрена была вся сово-

купность лучшаго изъ всей области знанія, чтобы ничего не существовало на небѣ, на землѣ, въ водѣ или въ глубинахъ земли, ничего въ тѣлѣ человѣка и въ душѣ его, ничего также въ Священномъ Писаніи, ничего также въ ремеслахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ государственной жизни, въ церкви, ничего, наконецъ, въ жизни, въ стремленіяхъ нашихъ и въ самой вѣчности такого, чего бы основательно не постигали юные кандидаты мудрости, чтобы они все необходимое знали, все понимали, знали истинное и спасительное употребленіе всего, чтобы такимъ образомъ душа каждаго изъ нихъ стала точнымъ подобіемъ всевѣдущаго Бога, свѣтозарнымъ заркаломъ Его школы, истиннымъ представленіемъ міра.

Къ изученію надо присоединить исполненіе, въ которомъ должно упражнять нашихъ учениковъ, т. е. къ познанію вещей требуется прибавить активную дѣятельность. Безъ этой дѣятельности человѣкъ, даже и знающій вещи, будетъ среди нихъ неумѣло вращаться, незнакомый съ искусствомъ, онъ будетъ представляться неспособнымъ и вслѣдствіе этого негоднымъ для житейской дѣятельности. Чтобы подобнаго не случилось съ учениками пансофической школы, ради этой высокой цѣли она прибавитъ требованіе, чтобы никто изъ обучавшихся въ ней не былъ выпускаемъ, прежде чѣмъ онъ будетъ хорошо приученъ къ тѣмъ видамъ дѣятельности, которые требуютъ особенной предусмотрительности. Чтобы наши ученики въ этомъ мѣстѣ обученія учились не для школы, а для жизни, отсюда должны выходить юноши дѣятельные, ко всему приготовленные, искусные, прилежные, люди, которымъ современемъ можно будетъ безъ опасенія ввѣрить всякое житейское дѣло. Если бы были подобныя школы, и при томъ въ каждой общинѣ, то это было бы вообще противоядіе противъ лѣности и неумѣлости и даже противъ

нестроения, горькой бѣдности, нечистоты. Въ особенности это будетъ достигнуто тогда, когда школы эти сверхъ того привыкнуть—какъ и должно быть на самомъ дѣлѣ—подобнаго рода дѣятельности украшать честными нравами и для всѣхъ пріятнымъ обращеніемъ и стануть увѣнчивать все это богобоязненностью, сердцемъ, пламенѣющимъ любовью къ Богу и готовностью проводить жизнь угоднымъ Богу образомъ.

Послѣднее, къ чему стремится пансофическая школа, это — усовершенствовать языкъ всѣхъ на столько, чтобы довести его до пріятной рѣчистости. И это должно выразиться не только въ обладаніи какимъ-нибудь мѣстнымъ нарѣчіемъ, но (кромѣ родного языка) также и въ обладаніи тремя языками Библии: латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ. Латинскимъ потому, что этотъ языкъ въ настоящее время считается первымъ образовательнымъ средствомъ и связью между народами; греческимъ потому, что онъ родственъ латинскому, который не можетъ быть вполне понятъ безъ него, преимущественно же потому, что онъ служить охраненію и истолкованію тайнъ Новаго Завѣта; что касается еврейскаго языка, то нечего и говорить о томъ, что сынамъ церкви онъ служить для пониманія Ветхаго Завѣта и никоимъ образомъ не можетъ быть исключенъ изъ пансофическихъ занятій.

Къ этому мы прибавимъ: все это въ пансофической школѣ должно быть изучаемо, дѣлаемо, устраиваемо вообще, при томъ съ легкостью и обезпеченностью въ успѣхѣ, такъ чтобы, на подобіе механическихъ мастерскихъ, ничего въ ней не дѣлалось насильственно, но все происходило бы естественнымъ путемъ, и чтобы впоследствии каждый ученикъ становился мастеромъ.

Высказавъ свои желанія относительно пансофической школы, покажемъ теперь, почему она должна быть устроена

по законамъ истиннаго христіанства. Ибо что такое христіанство? Развѣ оно не ясный свѣтъ въ нашихъ сердцахъ, озаряющій насъ, дабы просвѣтить насъ познаніемъ славы Божіей (2 Коринѳ. 4, 6)? Развѣ оно не слово Божіе, открывающее глаза слѣпымъ, чтобы они обратились отъ тьмы къ свѣту. (Дѣян. 26, 18)? Развѣ оно не знаніе христіанъ, угодное Господу знаніе, руководимое Христомъ, вѣчная премудрость Бога, который одинъ зналъ, что подобаешь намъ знать и не знать, и который сумѣлъ и могъ положить предѣлъ нашему христіанскому всезнанію, ограниченному человѣческимъ невѣдѣніемъ? Ибо посредствомъ естественнаго свѣта, который, какъ свѣтъ истинный, просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. 1,9), посредствомъ свѣта своего закона (ибо законъ есть свѣтъ, Притч. Сол. 6,23), наконецъ посредствомъ всего того, что Онъ, живя среди людей, показавъ имъ словомъ и дѣломъ,—Онъ научилъ насъ облекаться въ новыхъ людей и обновилъ по образу Того, который насъ создалъ (Колос. 3,10).

«Школь, устроенныхъ по этимъ законамъ еще нѣтъ, но ихъ необходимо устроить», говоритъ Коменскій.

«Необходимость этого становится очевидной, если только мы не желаемъ быть неблагодарными передъ Богомъ, который призвалъ насъ изъ мрака къ своему дивному свѣту (1 Петр. 2,9), если мы напротивъ желаемъ отовсюду собирать лучи свѣта и заставить ихъ падать съ однихъ на другихъ и наконецъ на всѣхъ, чтобы всѣ мы стали сынами свѣта, свѣтомъ въ Господѣ (Лук. 16,8, Ефес. 5,8). Если мы этого желаемъ, то учрежденіе всеобщихъ мастерскихъ свѣта необходимо.

Необходимость учрежденія пансофическихъ школъ становится еще очевиднѣе, когда мы представляемъ себѣ опасность, возникающую отъ пренебреженія вещью столь

значительной пользы. Такъ какъ безъ полного свѣта нельзя вполне познавать вещи, а безъ полного познанія нельзя избирать лучшаго, то безъ серьезнаго выбора не можетъ быть серьезной дѣятельности, и безъ серьезныхъ усилій и труда мы не можемъ достигнуть своей цѣли. Слѣдовательно, чтобы достигнуть нашей цѣли—блаженства, мы должны вызвать надлежащую дѣятельность; чтобы дѣятельность была надлежащей, мы должны стремиться къ тому, чтобы нашъ выборъ не уклонялся въ сторону, а для того необходимо дать ясное пониманіе вещей; до пониманія же ничто не доходитъ, прежде чемъ дойдетъ до чувствъ. И такъ, незнаніе вещей (первый источникъ всякаго человѣческаго несчастія и испорченности, какъ говорить о томъ слово Божіе: истребленъ будетъ народъ мой за недостатокъ вѣдѣнія — Осія 4,6) слѣдуетъ всячески удалять изъ человѣческихъ умовъ и возжигать имъ всеобщій свѣтъ, въ которомъ все можно видѣть ясно и въ которомъ доброе отличается отъ злого, чтобы люди избѣгали послѣдняго и стремились къ первому».

Занятія въ «Школѣ всемудрости» Коменскій дѣлитъ на главные, второстепенныя и третьестепенныя.

«Главные занятія суть тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ сущность, ядро и содержаніе мудрости, краснорѣчія и благопристойности, равно какъ благочестія; таковы занятія языками, философіей и богословіемъ. Занятія второстепенныя—тѣ, которыя служатъ для главныхъ лишь вспомогательными занятіями и нужны не столько для самого существованія, сколько для пристойнаго существованія; таково занятіе исторіей, при которомъ дѣло не въ изученіи общихъ, опредѣленно установленныхъ вещей, а въ собираніи особенныхъ случаевъ, и мн. др. Подъ занятіями третьей степени я разумѣю заботу о вещахъ, не дающихъ ничего для мудрости, краснорѣчія, добрыхъ нравовъ и

благочестія, но весьма способствующихъ свѣжести здоровья и бодрости духа; таковы, на примѣръ, различныя развлеченія, игры и т. п. Но такъ какъ ничто изъ этого не должно быть устранено изъ пансофической школы, то все слѣдуетъ такимъ образомъ устроить, чтобы ничто не встрѣчало въ другомъ помѣхи, а напротивъ одно бы помогало другому.

Главные занятія должно ставить на первомъ мѣстѣ и вести: I во всѣхъ классахъ, II постепенно и III по одному и тому же методу.

Если я говорю: во всѣхъ классахъ, то я требую, чтобы у учениковъ всегда и вездѣ совершенствовались:

- 1) Чувства для все болѣе и болѣе совершеннаго наблюденія вещей;
- 2) разумъ для все болѣе и болѣе глубокаго проникновенія въ предметъ;
- 3) память для все лучшаго и лучшаго усвоенія;
- 4) языкъ для того, чтобы понятое умѣть высказывать все лучше и лучше;
- 5) руки, чтобы со дня на день искуснѣе выдѣлывать то, что нужно;
- 6) духъ, чтобы лучше и лучше перенимать и воспроизводить все, что достойно уваженія и
- 7) сердце, чтобы пламеннѣе любить и призывать все святое».

Къ второстепеннымъ занятіямъ Коменскій, кромѣ исторіи, причисляетъ умственные занятія, устроенныя по доброму желанію и внѣочередныя задачи, предоставляемыя нѣкоторымъ внѣ обычныхъ уроковъ. Изъ третъестепенныхъ занятій Коменскій особенно рекомендуетъ игры, сопровождаемыя движеніемъ, и театральныя представленія, для которыхъ онъ самъ составлялъ пьесы.

Великій педагогъ не только предъявлялъ свои требо-

ванія къ воспитанію дѣтей, но заботился и объ ихъ выполненіи. Замѣчая недостатки современныхъ школъ, онъ предложилъ и мѣры къ исправленію; самъ принималъ на себя преподаваніе и руководство школами, составлялъ учебники для разнаго рода школъ по всѣмъ предметамъ, наконецъ изобрѣлъ и разработалъ во всѣхъ подробностяхъ свой «естественный методъ» обученія. Написавъ «наставленіе родителямъ и нянькамъ, чтобы они хорошо знали и понимали свои обязанности», онъ даетъ имъ и «книжку съ картинками, которую можно иногда давать въ руки самимъ дѣтямъ»; это его знаменитый «Міръ въ картинкахъ», который и до сихъ поръ составляетъ въ различныхъ передѣлкахъ и подъ различными названіями книгу, необходимую въ каждой грамотной семьѣ. Для школы родного языка онъ составилъ шесть учебниковъ сообразно съ ея шестью классами; но эти учебники не были имъ изданы.

Съ тщательною предусмотрительностью Коменскій вникаетъ не только во внутреннюю жизнь школы (см. «Правила благоустроенной школы и «Объ изгнаніи лѣни изъ школъ»), но и на внѣшнее благоустройство ея: онъ указываетъ даже, какими изреченіями, таблицами, художественными картинами и барельефами должна быть снабжена и украшена каждая классная комната. Предъявивъ свою программу «Школы всемудрости», Коменскій присоединяетъ къ ней «Разъясненіе», въ которомъ доказываетъ возможность и способы осуществленія этой программы. «Если мы съ помощью метода добьемся того, чтобы работа учащихся уменьшилась, ихъ отвращеніе уничтожилось, ихъ бодрость оживилась, то я вполне увѣренъ, что даже и для посредственныхъ головъ въ теченіе семи лѣтъ все это будетъ доступно». Скажите вы, которые черезъ 200 слишкомъ лѣтъ руководите обученіемъ въ нашихъ

школахъ, скажите откровенно, многое ли сдѣлано вами для выполненія этихъ, столь естественныхъ и справедливыхъ требованій великаго педагога? Скажите, много ли у васъ построено свѣтлыхъ, просторныхъ и привлекательныхъ снаружи зданій для школь? Много ли у васъ искренно и всецѣло преданныхъ своему высокому призванію, нравственно безукоризненныхъ педагоговъ?

Сущность каждой школы, ея душу, представляютъ собой конечно учителя, и Коменскій ясно сознавалъ, что въ ихъ рукахъ судьба изобрѣтаемыхъ имъ методовъ, составляемыхъ имъ учебниковъ и программъ, устраиваемыхъ имъ школь.

«Сознаюсь, что, посѣщая нѣкоторыя школы, я удивлялся и соболѣзновалъ, видя, какъ неискусно велось дѣло обученія. Именно я замѣтилъ, какъ иные учителя весь свой авторитетъ основываютъ на томъ, чтобы какъ можно меньше говорить съ учениками, но ходить взадъ и впередъ подобно нѣмымъ статуямъ и швырять имъ задаваемые уроки, все равно какъ собакамъ кости, которыя онѣ гложутъ; какъ они въ концѣ концовъ, если работы выходятъ неудачными, приходятъ въ бѣшенство. Что это иное, какъ не подавлять естественную склонность? насильственно вызывать отвращеніе къ занятіямъ? Ты идоль: у тебя есть языкъ, и ты не говоришь? у тебя есть уши, и ты не слышишь? у тебя есть глаза, и ты не видишь? ты хочешь, чтобы тебѣ поклонялись? Ты не можешь стать богомъ для своихъ, если не перестанешь быть истуканомъ; ты не можешь дѣйствовать какъ учитель, если ты не станешь поступать какъ отецъ (Воскресшіи Форціи, или объ изгнаніи лѣни изъ школь)».

«Подыскать подходящихъ ученыхъ или учителей, которымъ по силѣ столь великая задача,—вотъ что будетъ трудно. Ибо подобно тому какъ ни одна вещь не можетъ

сдѣлать ничего иного, какъ то, что есть она сама (бѣлое—облѣить, тяжелое—придавить, холодное—застудить), такъ никто не можетъ сдѣлать людей мудрыми, исключая мудраго, никто краснорѣчивыми, исключая краснорѣчиваго, никто нравственными или благочестивыми, исключая нравственнаго или благочестиваго, никто математиками, естественниками или метафизиками, исключая свѣдущаго въ этихъ наукахъ, словомъ: никто не можетъ сдѣлать другого пансофомъ-всемудрымъ, исключая того, кто самъ пансофъ. Слѣдовательно, надобно сыскать мудрецовъ, краснорѣчивыхъ ораторовъ, математиковъ, метафизиковъ, словомъ людей всемудрыхъ, которые стояли бы во главѣ пансофической школы: особенно вождь всѣхъ учителей, директоръ, долженъ быть высшимъ руководителемъ.

Но гдѣ искать намъ такихъ людей? изъ какой страны намъ ихъ выписать? Мое мнѣніе на счетъ этого можетъ быть ясно изъ того, что я сказалъ нѣсколько выше: въ вашемъ собствечномъ домѣ найдете вы тѣхъ, кого вы должны выбрать, привлечите ихъ изъ своего народа, они будутъ вѣрными проводниками нашихъ къ этому нашему предпріятію. Но можно ли и на нихъ рассчитывать? Я непоколебимо того убѣжденія, что не будетъ недостатка въ людяхъ, которые будутъ ждать себѣ этого дѣла во славу Божию.

Надежду свою я основываю на трехъ доводахъ. Во-первыхъ, я допускаю это вслѣдствіе особаго свойства пансофическаго метода, обладающаго способностью создавать себѣ свои орудія и самыхъ рабочихъ для пожинанія плодовъ этими орудіями. (Если мы не совершенно обманываемся, то возможно и даже необходимо, чтобы пансофы рождались вмѣстѣ съ самой пансофіей и были воспитаны въ ея пеленкахъ). Во-вторыхъ, надежда моя основывается на моемъ представленіи о вашихъ умственныхъ способ-

ностяхъ, которыя не отступаютъ передъ трудами и тягостями, если только будетъ надежное руководство. Итакъ, слѣдуетъ искать руководителей для этого благороднѣйшаго воспитанія умовъ, будутъ ли таковые уже благодарнымъ образомъ воспитаны и энциклопедически образованы, или въ нихъ будетъ только неуклонный позывъ къ энциклопедическому знанію и благородству и рѣзко выражаемая ненависть къ невѣжеству и варварству, — недостаткамъ, которые они желаютъ видѣть раз навсегда искорененными; тогда не преминетъ сбыться то, что вы съ Божіей помощью будете побѣдителями и приготовите великій триумфъ себѣ и своему народу. Третье основаніе: твердость въ этомъ дѣлѣ; именно, если при классахъ будутъ назначены опредѣленные учителя, которые, постоянно внушая другимъ данныя предписанія, постоянно будутъ наставлятъ самихъ себя. Такимъ образомъ одинъ день постоянно будетъ учителемъ другого, такъ что, кто сегодня былъ несвѣдущимъ, завтра будетъ обладать знаніемъ и принесетъ свои наблюденія, обязательныя какъ для него такъ и для его преемниковъ. Такимъ образомъ успѣхи учащихся и учащихся постоянно пойдутъ впередъ.

Такихъ людей—исполненныхъ любви къ всеобщей мудрости, терпѣливыхъ при перенесеніи трудностей, внимательныхъ къ добрымъ совѣтамъ, тихихъ и нравственныхъ, отъ чистаго сердца благочестивыхъ — слѣдуетъ искать на это Божье дѣло, какъ драгоцѣнные камни. И гдѣ только можно заполучить ихъ, тамъ и слѣдуетъ брать ихъ—какъ будто бы Богъ показывалъ на нихъ простертымъ перстомъ—ухаживать за ними и стараться приобрѣсти ихъ просьбами и подарками всякаго рода («Школа всемудрости», разъясненіе).

Къ этому Коменскій дѣлаетъ примѣчаніе:

«Въ семи классахъ слѣдуетъ назначить столько-же учителей, чтобы каждый украшалъ свою Спарту, насколько хорошо можетъ. Во главѣ же всѣхъ надобно поставить ректора, на обязанности котораго должно лежать ежедневно проходить всѣ классныя комнаты, чтобы видѣть, что все, повсюду и во всякое время идетъ въ добромъ порядкѣ и не такъ, чтобы иной разъ что-нибудь пріостановилось или велось нерадиво; его дѣло также, если кто изъ учителей, вслѣдствіе болѣзни или вслѣдствіе еще какого-нибудь несчастія, не можетъ исполнять свои обязанности, заступать его мѣсто, чтобы не было никакихъ упущеній и перерывовъ. Такъ какъ для этого необходимъ весьма дѣятельный, осмотрительный и ученый мужъ, то для него (какъ, конечно, и для классныхъ учителей) должно быть назначено весьма приличное содержаніе, чтобы никто, обладающій значительно выдающимся умомъ, не имѣлъ побужденія покидать это мѣсто и искать заработка гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Лишь тогда можно будетъ все содержать въ хорошемъ состояніи, когда дѣйствительно выдающіеся мужи будутъ проводниками всего юношества ко всему великому. Сократа, который съ великимъ рвеніемъ вращался среди юношей, разъ спросили, почему онъ не возьметъ на себя лучше какой-либо общественной должности; а онъ отвѣтилъ: болѣе дѣлаетъ тотъ, кто образуетъ многихъ, способныхъ нести государственныя должности, чѣмъ тотъ, кто самъ управляетъ государствомъ. Такъ будетъ и здѣсь: эти пансофическіе образователи умовъ при своей работѣ будутъ имѣть въ виду благо отечества, церкви и государства гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, кто дѣйствуетъ внѣ этой мастерской въ качествѣ какихъ-то чиновниковъ, властей и духовныхъ. Слѣдовательно, работникъ, столь значительный, заслуживаетъ столь значительнаго вознагражденія, при которомъ онъ могъ бы въ достаточномъ довольствѣ и съ

спокойнымъ (или, скажу лучше, съ воодушевленнымъ для своихъ работъ) духомъ ревностно заниматься дѣломъ, столь возвышеннымъ.

Но откуда взять требуемая для этого значительныя суммы? Собственно говоря не моя задача находить эти источники, однако въ послѣдствіи я не хочу прятаться за спиной съ своими соображеніями.

1) Соглашаются ли съ Лютеромъ, который писалъ: если для постройки города, пограничной крѣпости бастиона, расходуютъ десять червонцевъ, то не слѣдовало бы жалѣть сотни, даже тысячи для мудраго воспитанія единственнаго юноши? Ибо лучше мудрость, нежели сила (Причт. Сол. 9, 16).

2) Развѣ тѣ, которыхъ Богъ благословилъ свыше обыкновеннаго и которымъ даровалъ богатство, честь и могущество, не обязаны въ свою очередь свершить что-либо свыше обыкновеннаго во славу Божію?

3) Развѣ не обязаны всѣ люди равномѣрно, по предписанію божественнаго закона, приносить Богу седьмую часть своего времени и десятую часть своего добра? А можетъ ли кто надѣяться дать лучшее примѣненіе десятой части своего имущества (или хоть двадцатой или тридцатой), чѣмъ если онъ будетъ поддерживать орудія славы Божіей? Едва ли онъ въ состояніи придумать что-либо лучшее!

4) Но развѣ не пришлось бы, если бы первыя лица въ народѣ, покровители и пастыри церквей и, въ заключеніе, всѣ остальные дворяне и горожане пожелали препроводить сюда десятую (или хоть двадцатую) часть дохода,— развѣ не пришлось бы скоро воскликнуть: народъ приносить болѣе, чѣмъ надобно? И, какъ нѣкогда, пришлось бы повелѣть: никто не прибавляй ничего болѣе (Исх. 36, 5. 6).

5) Развѣ не можетъ князей народныхъ охватить такая

же потребность жертвовать, какъ это нѣкогда было, такъ чтобы они приносили благородные камни и княжескіе подарки? И развѣ не стануть, побуждаемыя ихъ примѣромъ, и другія благочестивыя души приносить свои подарки (Исх. 35, 27. 29)?

6) Развѣ не было бы побужденіемъ для богатыхъ, если бы имена тѣхъ, кто отличился своей щедростью, стали предавать памяти потомства? Вѣдь видимъ же мы нѣчто подобное во многихъ университетахъ, при чемъ коллегіи, классныя комнаты, бібліотеки, даровые столы и т. п. называются по именамъ ихъ основателей на бессмертную славу имъ и на благодарную память въ потомствѣ. Мало того, то же самое было наблюдаемо даже при постройкѣ стѣнъ іерусалимскихъ, при чемъ помѣчено было на вѣчное воспоминаніе и внесено въ священныя книги, какое лицо или семейство построило какую часть или ворота въ стѣнѣ (Неем. 3).

7) Развѣ нельзя было бы наконецъ тѣмъ, кого Богъ изобильно одарилъ благами, но кому Онъ отказалъ въ наслѣдникахъ, на которыхъ вмѣстѣ съ ихъ именемъ перешло бы и благословеніе Божіе, — развѣ нельзя было бы внушить имъ, что они не могутъ сдѣлать лучшаго примѣненія своимъ внѣшнимъ благамъ, какъ употребивъ ихъ на благочестивыя, похвальныя цѣли (во славу Божію, на преуспѣяніе церкви, на прославленіе отечества)? и т. д. и т. д. (Ср. 1 Паралип. 29, 9—18).

Послѣ всего сказаннаго становится очевиднымъ, какъ мы далеки еще отъ выполненія завѣтовъ Коменскаго; можно сказать только всѣмъ, кому дорого образованіе подростяющаго поколѣнія: читайте Коменскаго, изучайте его произведенія, заимствуйте отъ него ту непоколебимую увѣренность въ возможности выполненія его плановъ, такъ какъ она покоится на весьма глубокихъ и вѣрныхъ со-

ображеніяхъ. Когда вы увидите, какъ мало еще истощаны нами средства, указываемыя Коменскимъ, какъ далеко мы отъ той высокой оцѣнки всеобщаго образованія, какую придавалъ этому высшему земному благу Коменскій; тогда ясно будетъ, почему наше министерство просвѣщенія изнемогаетъ въ борьбѣ съ безграмотностью поступающихъ въ университетъ гимназистовъ.

Перейдемъ теперь къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

«Наша учебная метода, конечно, не простирается такъ далеко; однако, что запрещаетъ намъ указать, къ чему клонятся и здѣсь наши желанія?

Выше мы сказали, что академіи по всей справедливости предоставляются завершеніе и дополненіе всѣхъ наукъ и всѣ высшія отрасли ихъ.

И такъ мы желаемъ:

I) Чтобы здѣсь дѣйствительно занимались всесторонними знаніями, такъ чтобы въ наукахъ и человѣческой мудрости не было ничего такого, о чемъ бы здѣсь не сообщалось;

II) Чтобы здѣсь примѣнялись болѣе легкіе и вѣрные способы изученія — съ цѣлью дать основательное образованіе всѣмъ, которые сюда поступаютъ;

III) чтобы публичныхъ почестей удостоивались только тѣ, которые счастливо достигли своихъ цѣлей и достойны и способны къ тому, чтобы имъ можно было безопасно ввѣрить кормило управленія человѣческими дѣлами. Какія требованія предполагаетъ каждое изъ этихъ нашихъ желаній, мы и на это скромно укажемъ.

3) Для того, чтобы занятія въ академіяхъ были всесторонними, необходимо 1) имѣть профессорами наукъ, искусствъ, прикладныхъ знаній и языковъ ученыхъ и преданныхъ дѣлу людей, которые бы, какъ живыя кладовыя, доставляли изъ себя и сообщали всѣмъ все, 2) от-

борную бібліотеку изъ разныхъ писателей для общаго пользованія всѣхъ.

Самая дѣятельность академій пойдетъ легче и успѣшнѣе, если, вопервыхъ, сюда будутъ поступать только молодые люди съ лучшими дарованіями, цвѣтъ человѣчества, а остальные будутъ направляемы къ сохѣ, или къ ремеслу, или къ торговлѣ, кто къ чему рожденъ.

Вовторыхъ, если каждый будетъ посвящать себя изученію того, къ чему его предназначила сама природа, насколько можно это заключить по несомнѣннымъ признакамъ. Ибо, какъ въ силу природнаго влеченія одинъ дѣлается лучшимъ, нежели другой, музыкантомъ, поэтомъ, ораторомъ, естествоиспытателемъ и т. д.; такъ и къ богословію, медицинѣ и законовѣдѣнію одинъ бываетъ способенѣе другого. Но здѣсь-то слишкомъ часто и дѣлають ошибки, желая по произволу «изъ каждаго бревна сдѣлать Меркурія», не обращая вниманія на природную наклонность. Отсюда и является то, что мы, набрасываясь, вопреки собственному желанію, на ту или другую науку, не производимъ ничего достойнаго похвалы и часто имѣемъ болѣе успѣха въ какомъ-либо побочномъ дѣлѣ, нежели въ своей профессіи. Поэтому было бы разумно, если бы завѣдывающіе школами при выпускѣ изъ классической школы производили публичное испытаніе природныхъ дарованій и сами рѣшали, кого изъ молодыхъ людей слѣдуетъ послать въ академію, а кого лучше направить къ другимъ родамъ дѣятельности; а также и то, кто изъ тѣхъ, которымъ предстоитъ продолжать научныя занятія, долженъ посвятить себя изученію богословія, или науки о государствѣ, или медицины и т. д., сообразно съ природными наклонностями каждаго изъ нихъ или съ потребностями Церкви и государства.

Въ третьихъ, необыкновенные таланты слѣдуетъ по-

опрять ко всему, чтобы не было недостатка въ людяхъ «многознающихъ» или «всезнающихъ», или «обладающихъ полною мудростью».

Надо, однако, заботиться о томъ, чтобы академіи держали только прилежныхъ, нравственныхъ и даровитыхъ юношей и не терпѣли студентовъ только по виду, которые, къ вредному соблазну для остальныхъ, въ праздности и роскоши растрачиваютъ и отцовское имущество и года. Ибо, гдѣ не будетъ заразы, тамъ не будетъ и зараженія, именно, если всѣ будутъ заняты тѣмъ, что имъ надлежитъ дѣлать.

Въ академіи, сказали мы, слѣдуетъ знакомить съ писателями всякаго рода. Но для того, чтобы это не было слишкомъ обременительно и все-таки приносило пользу, желательно, чтобы ученые, какъ то: филологи, философы, богословы, медики и т. д. были приглашены оказать учащемуся юношеству такую услугу, какую оказываютъ географы изучающимъ географію, представляя на картахъ цѣлыя провинціи, государства и міры и давая возможность однимъ взглядомъ заразъ обнять обширнѣйшія пространства и суши и моря. Ибо, если живописцы воспроизводятъ какъ въ дѣйствительности, страны, города, дома людей и все болѣе или менѣе значительное, то почему же не могли бы такимъ же образомъ быть воспроизведены передъ нами и Цицеронъ, Ливій, Платонъ, Аристотель, Плутархъ, Тацитъ, Геллій, Гиппократъ. Галенъ, Цельзъ, Августинъ, Иеронимъ и т. д., не только въ видѣ «избранныхъ изреченій» и «цвѣтовъ рѣчи» (какъ это сдѣлано относительно нѣкоторыхъ), но въ видѣ полного, но сведеннаго къ главнымъ пунктамъ, систематическаго извлеченія изъ ихъ сочиненій.

Такого рода извлеченія изъ писателей могли бы принести и ту отличную пользу, что, во первыхъ, тѣ, кото-

рые не имѣютъ времени читать ихъ въ полномъ объемѣ, приобрѣли бы себѣ хотя бы общее понятіе о любомъ писателѣ; во вторыхъ, тѣ, которые (согласно совѣту Сенеки) желаютъ глубже проникнуться духомъ какого-нибудь отдѣльнаго писателя (не всѣмъ доступно все въ одинаковой мѣрѣ), легче и сознательнѣе могли бы сдѣлать выборъ, послѣ того, какъ они, познакомившись со многимъ, почувствуютъ, что то или это особенно подходитъ подъ ихъ вкусъ; въ третьихъ, тѣмъ, которые должны вполне изучать самихъ писателей, эти извлечения послужатъ отличной подготовкой къ плодотворному чтенію, совершенно такъ, какъ для отправляющагося на чужбину полезно предварительно изучить по картѣ описаніе той мѣстности, чтобы легче, вѣрнѣе и пріятнѣе можно было наблюдать по частямъ все, что позже будетъ попадаться имъ на глаза; наконецъ, эти краткія обзорнія могутъ пригодиться имъ при вторичномъ бѣгломъ чтеніи писателей, при чемъ всегда встрѣтится что-нибудь такое, что прочно засядетъ въ головѣ и перейдетъ въ плоть и кровь.

Но такія систематическія извлечения изъ писателей можно было бы не только издать отдѣльно (для употребленія ихъ болѣе бѣдными или тѣми, которые не въ состояніи читать полныхъ сочиненій), но и помѣщать ихъ въ видѣ введеній къ сочиненіямъ писателей, чтобы приступающій къ чтенію ихъ сперва получилъ общій взглядъ на цѣлое.

Что касается практическихъ занятій въ академіи, то, быть можетъ, было бы очень полезно ввести публичныя совмѣстныя собесѣдованія. Именно, по каждому предмету, о которомъ профессоръ говоритъ съ кафедръ, можно всѣхъ лучшихъ писателей, которые также трактуютъ объ этомъ, распредѣлять между студентами для домашняго чтенія, и все, что профессоръ въ дообѣденный часъ излагалъ съ

каеды, дѣлать предметомъ разбора и въ послѣобѣденный часъ, но опять предъ цѣлымъ кругомъ слушателей, именно такимъ образомъ, что студенты сами предлагаютъ вопросы по поводу того, что иной что-нибудь не вполне понялъ, или въ чемъ-нибудь усумнился, или нашелъ у своего писателя уклоняющійся, но опирающійся на доказательства, взглядъ, или что-нибудь подобное. При этомъ всякому изъ студентовъ (однако строго соблюдая порядокъ) предоставляется право отвѣчать, а другимъ опять обсуждать и высказывать. достаточно ли исчерпанъ вопросъ; наконецъ, дѣло будетъ профессора, какъ предсѣдательствующаго, окончить споръ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, все, что читали многіе, можно соединить въ одно не только съ тою цѣлью, чтобы все полужило къ общей для всѣхъ пользѣ, но и для того, чтобы оно сильно запечатлѣлось въ умахъ—для достиженія дѣйствительно прочныхъ успѣховъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ изученіи наукъ.

При такомъ совмѣстномъ упражненіи совѣмъ не трудно будетъ достигнуть осуществленія только что высказаннаго нами желанія, которое давно уже раздѣляютъ благомыслящіе люди, именно, чтобы публичныя почести получали только достойные. Этого можно достигнуть, говорю я, если дѣло будетъ зависѣть не отъ личнаго усмотрѣнія одного-двухъ лицъ, а отъ общаго всѣхъ согласія и свидѣтельства. Поэтому необходимо, чтобы, какъ въ низшихъ школахъ наблюдающіе за ними, такъ въ высшихъ королевскіе или правительственные уполномоченные разъ въ годъ дѣлали визитацію и при этомъ узнавали, насколько ревностно все исполнялось со стороны учащихъ и учащихся, и, кто изъ послѣднихъ выказалъ особенное прилежаніе тотъ пусть и получаетъ публичное засвидѣтельствованіе своихъ заслугъ: докторскій или магистерскій вѣнокъ.

А для того, чтобы и здѣсь не имѣлъ мѣста какой-либо обманъ, вполне цѣлесообразнымъ будетъ, вмѣсто диспутовъ на соисканіе степени, вызывать кандидата (или нѣсколькихъ заразъ) на середину, безъ участія предсѣдателя.

И затѣмъ всякій изъ ученыхъ и уже на практикѣ заявившихъ себя людей пусть оппонируетъ кандидату такъ, какъ онъ признаетъ нужнымъ для того, чтобы испытать успѣхи послѣдняго въ теоріи и практикѣ. Напримѣръ, пусть предлагаютъ разные вопросы изъ текста (св. Писанія, Гиппократъ, права и т. д.): гдѣ то, или другое, или третье написано? какъ оно согласуется съ тѣмъ или этимъ? не знаетъ ли онъ какого-либо писателя, который держится противоположнаго взгляда? и какого именно писателя? какіе доводы этотъ приводитъ въ опроверженіе принятаго мнѣнія и какъ слѣдуетъ разрѣшить противорѣчія и т. п. Для испытанія же въ практикѣ можно предлагать кандидату разнообразныя случаи изъ дѣлъ, касающихся совѣсти, случаи болѣзни, судебныя процессы: какъ онъ поступилъ бы въ томъ или другомъ случаѣ? и почему именно такъ? Можно также настойчивостью возраженій и разнообразіемъ приводимыхъ случаевъ ставить кандидата въ затрудненіе, пока не окажется, что онъ можетъ умно и выходя изъ вѣрнаго основанія судить о вещахъ, и т. д. Можно ли при этомъ не питать надежды, что молодые люди, зная о предстоящемъ имъ такомъ публичномъ, столь серьезномъ и строгомъ испытаніи, приложатъ къ занятіямъ все свое стараніе?

Относительно путешествій (которымъ мы назначили мѣсто въ періодъ этихъ послѣднихъ шести лѣтъ или по истеченіи его) нѣтъ надобности въ напоминаніи кромѣ развѣ того, что намъ нравится и съ нашими доводами совпадаетъ и мнѣніе Платона, который запрещалъ моло-

дымъ людямъ предпринимать путешествія раньше, чѣмъ совсѣмъ перекипятъ свойственные ихъ горячему возрасту бурные порывы и пока не придутъ необходимыя для путешествія благоразуміе и находчивость.

Равнымъ образомъ мы не видимъ теперь нужды касаться, насколько необходима была бы «школа школь» или учительская коллегія, которая, будучи основана гдѣ-нибудь въ свѣтѣ или, если на это нѣтъ никакой надежды, то по крайней мѣрѣ въ средѣ ученыхъ, посвятившихъ себя задачѣ споспѣшествовать славѣ Божіей и въ этомъ отношеніи, поддерживалась бы чрезъ духовное ихъ общеніе, хотя бы тѣлесно они оставались тамъ, гдѣ кому пришлось. Ихъ соединенныя усилія должны быть направлены къ тому, чтобы основанія наукъ все болѣе и болѣе раскрывались съ цѣлью очистить свѣтъ мудрости и съ большимъ успѣхомъ распространить его между человѣческимъ родомъ, а чрезъ новыя полезнѣйшія открытія довести условія человѣческаго существованія до лучшаго положенія. Ибо, если мы не хотимъ оставаться все на одномъ и томъ же мѣстѣ или даже итти назадъ, то мы должны подумать о дальнѣйшемъ развитіи счастливо начатаго предпріятія. А такъ какъ для этого недостаточно ни усилій одного человѣка, ни даже одного поколѣнія, то продолженіе начатой работы необходимо требуетъ не только соединенныхъ усилій нѣсколькихъ человѣкъ заразъ, но и работы нѣсколькихъ поколѣній. Такая общая коллегія была бы для остальныхъ школъ тѣмъ же, чѣмъ служить желудокъ для членовъ тѣла, именно жизненной мастерской, доставляющей всему сокъ, жизнь и сплу» (Велик. дид.).

Курсы каждой школы и класса у Коменскаго расположены концентрическими, все расширяющимися, кругами, такъ что всѣ они могутъ быть справедливо на-

званы курсами всемудрости. Въ «Материнской школѣ» даются основанія всѣхъ наукъ, искусствъ, нравственности и религіозности, хотя и въ зачаточномъ видѣ, даются лишь зародыши всесторонняго развитія и познанія; то же самое, но въ разширяющемся объемѣ, дается и «Народной школой», а затѣмъ «Латинской школой» и наконецъ «Академіей». Это вполне согласно съ его «естественнымъ методомъ» и съ самой природой: вѣдь человѣкъ растетъ и развивается одновременно во всѣхъ своихъ членахъ, отношеніяхъ и отправленіяхъ; онъ весь всѣмъ своимъ существомъ живетъ и борется за свое существованіе въ средѣ окружающаго міра, а оттого ему и нельзя отказывать ни въ чемъ, доступномъ его возрасту, т. е. слѣдуетъ воспитывать и развивать его всесторонне.

ГЛАВА IV.

Естественный методъ.

«Что школы — лабиринты, это очевидно; ибо онѣ не имѣютъ достаточно опредѣленныхъ и твердыхъ цѣлей; для достиженія цѣлей не имѣютъ никакихъ средствъ; наконецъ, для примѣненія средствъ — никакихъ опредѣленныхъ правилъ».

«Значить, слѣдовало бы найти другой, лучшей, болѣе гибкій способъ обученія? И каковъ долженъ быть этотъ способъ? Я отвѣчаю: это долженъ быть естественный методъ, который все такъ представляетъ внѣшнимъ и внутреннимъ чувствамъ, что они все воспринимаютъ охотно и съ радостью; онъ основывается на человѣческой природѣ, одаренной Господомъ способностью властвовать надъ вещами и таящей въ себѣ самой цѣль, въ себѣ самой мѣру,

и, наконецъ, въ себѣ самой силу подниматься до совершенства.

Человѣческая природа, утверждаю я, будучи подобіемъ Бога, будетъ той Ариадниной нитью, которая будучи проста и правильна, гибко пробираясь во всѣ извилины и имѣя такую длину, что ея хватаетъ для измѣренія всѣхъ лабиринтовъ, никогда не запутывается, пока она, будучи крѣпко намотана на клубокъ, не распутится. Примѣненіе этой, пущенной въ оборотъ и размотанной надлежащимъ порядкомъ, нити будетъ вполне надежно для установленія цѣлей школы, средствъ и правилъ для ихъ приложенія.

Тогда-то станетъ ясно, что цѣль школъ должна состоять въ томъ, чтобы человѣкъ примѣнился къ своему назначенію, т. е. чтобы онъ получилъ образованіе во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые совершенствуютъ человѣческую природу. Онъ долженъ быть способенъ сдѣлаться такимъ, чтобы управлять тѣми вещами, обладаніе которыми ему обѣщано (Быт. 1, 28); онъ созданъ, чтобы управлять собою по своему сужденію, руководясь разумной и свободной волей, жить для взаимныхъ услугъ съ ближнимъ, разумно, спокойно и пристойно, и, наконецъ, ходить незапятнаннымъ предъ Господомъ и ожидать величайшей награды, именно самого Бога (Быт. 15, 1 и 17, 1). Все это вмѣстѣ взятое есть клубокъ цѣлей, который постоянно надо держать въ рукѣ и никогда не выпускать, куда бы ни обратились наши занятія. Если это соблюдать, то цѣль школъ станетъ простой и правильной; ея достанетъ на то, чтобы на этой первой ступени предотвратить всѣ заблужденія, — именно облагородить человѣка вообще, и, какія бы ни изучались частности (въ области литературы, нравовъ, благочестія), во всякомъ случаѣ изучать совокупное цѣлое, а не нѣчто уродливое, отрывочное или разорванное. Наша природа всегда и вездѣ, во всемъ, что

хорошо, прекрасно и полезно, предпочитаетъ цѣлое части, массивное пустому, прочное шаткому, и поэтому-то она и предназначаетъ занятымъ ея культурой школамъ предѣлы, до которыхъ онѣ должны облагораживать природу.

Но сюда же принадлежатъ и подчиненныя цѣли (теорія практика, употребленіе вещей). Ибо все, что ни придется дѣлать нашей природѣ, она желаетъ, стремится, рѣшается узнать подѣ собственнымъ же руководствомъ, умѣть это выполнить и сдѣлать то или иное употребленіе изъ своего знанія и умѣнія. Отсюда слѣдуетъ, что школы, движимыя и исполненныя потребностями природы, должны учить: 1) теоріи, 2) практикѣ и 3) употребленію всѣхъ хорошихъ и полезныхъ вещей. Это значить, что вездѣ и всегда должны учить: 1) что, чѣмъ, какъ что-нибудь существуетъ, чтобы пониманіе вещей нигдѣ не встрѣтило препятствія, 2) въ точности, какъ что дѣлается, чтобы умѣть воспроизвести подобное; 3) какая польза умѣть это и знать, чтобы принимать въ расчетъ подходящее употребленіе всякой вещи. Словомъ, не слѣдуетъ учить и ничего безцѣльнаго, только ради шутки, но чтобы все происходило по правиламъ искусства. Но опять же не такъ, чтобы было все равно, остается ли оно безъ пользы или служить для злоупотребленій, но чтобы все служило для прекраснаго, подобающаго, спасительнаго для жизни употребленія.

Та же природа показываетъ и средства, ведущія къ указаннымъ цѣлямъ. Ибо, что она желаетъ знать, то она изучаетъ, что желаетъ умѣть, то пытается воспроизводить, и изъ чего желаетъ сдѣлать употребленіе, то и направляетъ она въ свое пользованіе. Вотъ и общепригодный, естественный методъ: изучать все достойное изученія, дѣлать попытки въ томъ, что стоитъ дѣятельности, приспособлять къ примѣненію все, что достойно употребленія.

Если, слѣдовательно, школы имѣютъ для разсматриванія образцы тѣхъ вещей, знаніе которыхъ должно быть сообщаемо, если для всего, что должно быть дѣлаемо, онѣ имѣютъ орудія, которыми выполняется данная работа, и если относительно правильнаго употребленія всѣхъ вещей онѣ снабжены указаніями, во избѣжаніе злоупотребленія, то, значить, онѣ хорошо снабжены средствами и свободны отъ безчисленныхъ лабиринтовъ на этой ступени.

Наконецъ, также самая природа предназначаетъ себѣ и школамъ также и правила для дѣятельности. Никогда вполнѣ не довѣряя чужимъ глазамъ или сообщеніямъ относительно теоретическаго познанія вещей, она съ радостью направляетъ на все собственные взоры. Поэтому школы должны представлять все собственнымъ чувствамъ учащихся, такъ чтобы они сами видѣли, слышали, осязали, вкушали все, что они могутъ и должны видѣть, слышать и т. д.,—и онѣ избавятъ такимъ образомъ человѣческую природу отъ безконечной болтливости и пустомыслія, которыми страдаетъ вся наша жизнь. Съ другой стороны, и въ практическомъ отношеніи человѣческая природа проникнута жаждою знанія, такъ какъ она сама усиливается пробовать все, и при томъ до тѣхъ поръ (ибо она чрезвычайно дѣятельна), пока она видитъ, что вещи подвертываются подъ руку и подъ рукою имѣютъ хорошей результатъ. Пусть же школы идутъ вслѣдъ за этимъ и приучаютъ учениковъ подражать всему, данному имъ для исполненія, и дѣлать это разумно до тѣхъ поръ, пока они овладѣваютъ своимъ дѣломъ. Такъ какъ, наконецъ, человѣческая природа не желаетъ ничего напрасно и бесполезно знать, дѣлать и имѣть, то и школы не должны терпѣть, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ дѣлалъ или зналъ что-нибудь такое, чему онъ не знаетъ примѣненія. Это значить: уже въ школѣ слѣдуетъ приучать всѣхъ учени-

ковъ къ тому, чтобы они примѣняли къ дѣлу науку и разумъ, держась въ отношеніи къ вещамъ, которыя находятся у нихъ подъ руками, въ отношеніи къ ближнимъ, съ которыми вмѣстѣ они живутъ, и въ отношеніи къ Богу, подъ окомъ котораго они ходятъ, такъ, чтобы они съ пользой продолжали начатое въ школѣ направленіе въ теченіе всей жизни».

„Въ чемъ же состоитъ естественный способъ просвѣщенія ума? Это покажетъ намъ разъясненіе понятія умъ. Именно, если умъ есть внутреннее око души, которое на все обращается, отъ всего воспринимаетъ въ себя образцы, радуется свѣту и дѣлаемымъ наблюденіямъ, то и предлагай ему непрерывныя наблюденія, непрерывныя, благодаря ясному свѣту метода, — и онъ непрерывно будетъ обращаться къ нимъ, непрерывно уносить съ собой образцы и находить удовольствіе въ томъ, чтобы украшать себя ими, какъ дворецъ картинами. И такъ какъ умъ есть внутреннее око души, то приводи его въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ окомъ тѣла, съ его видами дѣятельности и упражненій, и ты вскорѣ замѣтишь, какъ можно упражнять умъ благодаря механической увѣренности. Взоръ никогда не насыщается видимымъ (какъ и ухо слышимымъ, говоритъ Соломонъ), слѣдовательно и духъ не насыщается наблюденіемъ. Отсюда истекаютъ различные дидактическіе законы чрезвычайной важности, а именно:

I) Умъ не наполняется малымъ, такъ какъ онъ хочетъ знать много. И такъ, предлагай ему многое и не обманывай его незначительностью предметовъ.

II) Однако онъ не хочетъ быть загромождаемъ и разсѣиваемъ посредствомъ массы предлагаемаго одновременно; онъ требуетъ одного за другимъ; слѣдовательно не загромождай и не разсѣивай его одновременно многимъ, но давай ему одно за другимъ, въ извѣстныхъ промежуткахъ времени.

III) Умъ находитъ удовольствіе въ разнообразномъ, и ему скоро наскучиваетъ одинъ и тотъ же предметъ. Итакъ, мѣшай полезное съ пріятнымъ и восхищай его смѣной въ наблюденіяхъ.

IV) Онъ постоянно требуетъ новыхъ предметовъ и чувствуетъ отвращеніе къ предметамъ обыденнымъ. Старайся же и ты ежедневно предлагать ему какъ бы нѣчто новое, чтобы онъ не встрѣчалъ вещей, которыя ему противны.

V) Глазъ (внутренній какъ и внѣшній) предпочитаетъ изучать то, что предлагается его наблюденію, лучше въ цѣломъ видѣ съ внутренней и наружной стороны, нежели одну часть только; слѣдовательно, если ты ему что-либо показываешь, то показывай сперва въ цѣломъ видѣ, потомъ по частямъ, съ внутренней и внѣшней стороны; такимъ путемъ ты навѣрное удовлетворишь его стремленію къ той вещи.

IV) Что умъ знаетъ, то желаетъ онъ знать твердо; ошибка въ какой-либо вещи запугиваетъ его; итакъ, предлагай ему только истинное, остерегайся обманывать его ложными вещами.

VII) Онъ радуется также твердому обладанію истины и обезпокоивается сомнѣніями (сомнѣніе обременительно для духа, какъ камешекъ въ башмакѣ для ноги; всякая неизвѣстность мучительна). Итакъ, не предлагай ему ничего сомнительнаго или разрѣшай скорѣе его сомнѣніе, чтобы духъ, освобожденный отъ безпокойства, былъ радостенъ.

VIII) Если кто выдаетъ что-либо за истину, то умъ всегда требуетъ свидѣтелей; слѣдовательно, пусть они будутъ на лицо, разъ ты высказываешь какое-либо утвержденіе.

IX) Но умъ требуетъ также безошибочныхъ свидѣте-

лей (которые и сами не обманывают и себя не позволяют обманывать), и потому самых ближайших: онъ хочетъ такихъ, которыхъ бы онъ могъ знать, — не вѣрить въ нихъ, а знать. А такъ какъ никто настолько не близокъ къ вещи, какъ вещь сама къ себѣ, то поэтому онъ цѣнить всего выше показанія вещей, а затѣмъ также тѣхъ, кто воспринимаетъ вещь собственными чувствами. И здѣсь опять-таки всего больше самому себѣ, и себѣ, какъ бы самому ближайшему, ибо онъ довѣряетъ самому себѣ и своимъ чувствамъ болѣе, чѣмъ другимъ. Слѣдовательно, если ты хочешь укоренить въ учащемся полную вѣру въ какое-либо утвержденіе, то привлеки такихъ свидѣтелей, которыхъ нельзя оставить подъ сомнѣніемъ. Прежде всего и главнымъ образомъ привлеки, если возможно, самую вещь, приведя ее въ соприкосновеніе съ собственными чувствами. Если это невозможно, то возьми тѣхъ, кто были самоличными свидѣтелями вещей, строгихъ изслѣдователей истины и пр.

Х) Но такъ какъ умъ въ познаніи вещей идетъ постепенно, то во-первыхъ онъ долженъ знать, что что-либо существуетъ (это называютъ просто знаніемъ или знакомствомъ); во-вторыхъ, что это такое на основаніи своихъ причинъ (это называютъ пониманіемъ); въ третьихъ, онъ долженъ умѣть примѣнять свое знаніе (т. е. знать, для чего это знаніе полезно). Эту послѣдовательность необходимо соблюдать всюду; во чтобы то ни стало умъ долженъ быть руководимъ отъ историческаго познанія вещей къ разумному пониманію, а затѣмъ къ употребленію каждой вещи. Такимъ путемъ просвѣтленіе ума, подобно машинѣ съ собственнымъ движеніемъ, несомнѣнно ведетъ къ своимъ цѣлямъ.

Но какъ обращаться намъ механически съ волей? Тоже такъ, какъ то допускаетъ и даже требуетъ ее природа,

какъ учить самое опредѣленіе понятія. Мы истолковали волю какъ внутреннюю руку души, которая стремится захватить и присвоить себѣ все, признанное за хорошее, и которая наслаждается вещами и вкушеніемъ пріятнаго. Теперь мы посмотримъ, какъ это выражается въ дидактическихъ правилахъ.

I) Какъ умъ (или разумъ) требуетъ истиннаго, такъ воля—благого. Итакъ, если ты учишь чему-нибудь человека, то позаботься о томъ, чтобы онъ видѣлъ, что дѣло это не только истинное, но и хорошее (т. е. почетное, полезное, пріятное), и ты вскорѣ увидишь, что его воля обращена на это. Воля—повелитель его дѣйствій; однако она слушается своего внутренняго совѣтника, разума или разсудка (который выясняетъ ей, что хорошо и что дурно, что лучше и что хуже), ранѣе, чѣмъ опредѣлить, что должно быть.

II) Больше добра болѣе возбуждаетъ волю, меньше—меньше. Правильное изложеніе различій между добромъ и зломъ воздѣйствуетъ на волю, подобно тому, какъ тяжести на движущіеся въ ту и другую сторону вѣсы. Какъ вѣсы должны склоняться туда, куда перевѣшиваетъ тяжесть, такъ и воля туда, куда тянетъ тяжесть лучшаго.

III) Но такъ какъ воля по своей собственной природѣ свободна, почему она или свободно выбираетъ то, что представлено ей какъ нѣчто доброе, или же предпочитаетъ даже и то, что только расписано какъ доброе, то съ ней необходимо обращаться такъ осторожно, чтобы она не думала, что ея свободному рѣшенію причиняется насиліе, и не отвергала изъ за этого чего-либо дѣйствительно добраго. Слѣдовательно, здѣсь нужно величайшее благоразуміе.

IV) Точно такъ же какъ разумъ, и воля есть пропасть, которую нельзя наполнить немногими благами, но которая жадно стремится ко многому. Нельзя слѣдовательно

заглушать ея потребности и заставлятъ ея спокойно довольствоваться малымъ, наоборотъ, ея слѣдуетъ поощрять, показывая ей много благъ, къ тому, чтобы она стремилась ко многому, ибо это пробуждаетъ охоту.

V) Какъ въ разумѣ вызывается отвращеніе, если его задерживать на одномъ и томъ же предметѣ и постоянно кормить однимъ и тѣмъ же, такъ и здѣсь; поэтому слѣдуетъ привлекать волю разнообразіемъ и заманивать, насколько возможно, внѣшними и внутренними приманками чувствъ.

VI) Такъ какъ воля, привлекаемая переменами, постоянно переходитъ отъ одного блага къ другому и обращается туда, гдѣ чуетъ что-либо доброе, то слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы, въ какой бы области занятій она ни обрѣталась, она постоянно встрѣчала вещи, которыя привлекали бы ея къ себѣ несомнѣннымъ проявленіемъ достоуважаемаго, полезнаго, пріятнаго, или всѣхъ этихъ качествъ одновременно. Такимъ образомъ, непрерывная цѣпь благъ будетъ постоянно держать ея въ своей власти.

VII) Такъ какъ воля предпочтительнѣе наслаждается благомъ въ его полнотѣ, нежели въ отрывкахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, то должно позаботиться о томъ, чтобы, если какой-либо вещи присуще что-либо доброе, она была предъявлена глазамъ въ полномъ объемѣ и во всѣхъ ея частяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Такимъ путемъ мы добьемся того, чтобы воля повсюду наслаждалась всѣми благами, и мы постоянно будемъ поддерживать въ ней это чувство полного наслажденія.

VIII) Воля требуетъ дѣйствительнаго обладанія благами; если съ ней только играютъ, то она не хочетъ ничего и знать о томъ. Слѣдовательно, ей нужно постоянно предлагать что-либо хорошее, но на самомъ дѣлѣ, а не для вида только.

IX) Она желаетъ постоянно пользоваться своими благами; ей противно быть лишенной ихъ. Слѣдовательно, ей нужно тщательно указывать, каковы тѣ блага, которыхъ у нея нельзя отнять.

X) И такъ какъ воля любить тѣхъ, отъ кого она видитъ или ожидаетъ удовлетворенія своихъ желаній, съ другой стороны, ненавидитъ тѣхъ, отъ кого встрѣчаетъ препятствія, отстраняетъ ихъ отъ себя, если только можетъ, или же держится въ сторонѣ отъ нихъ, то поэтому волю слѣдуетъ приучать къ изученію того, чѣмъ можно всегда наслаждаться, и къ избѣжанію того, что могло бы омрачить ея радости.

XI) Воля любить совокупность благъ и наслажденія благами (сюда относится также поговорка: каждое благо стремится соединиться съ подобнымъ себѣ, или еще: безъ товарища нѣтъ ничего пріятнаго въ пользованіи благомъ), и ищетъ и надѣется найти въ этомъ увеличеніе удовольствія. Слѣдовательно, нужно заботиться о томъ, чтобы, по возможности, всѣ блага стали общимъ достояніемъ, такъ какъ въ этомъ заключается общее ручательство въ ихъ цѣнности и обмѣнъ удовольствій.

XII) Такъ какъ и воля въ стремленіи къ благу идетъ постепенно, и начало наслажденія заключается въ достиженіи добра, середина въ радостномъ сознаніи обладанія имъ и довершеніе его въ прочности непрерывнаго обладанія,—то слѣдуетъ повсюду дѣлать примѣненія изъ этой постепенности; постоянно, при всякомъ благѣ, сперва слѣдуетъ стремиться къ достиженію того, что признано за благо, затѣмъ къ обладанію имъ и, наконецъ, къ упроченію обладанія. При такомъ способѣ обхожденія съ волей увеличится склонность ко всякому благу, подобно движенію чаши вѣсовъ».

«Мы устанавливаемъ три ступени человѣческой муд-

Такъ изложенъ естественный методъ въ послѣднемъ сочиненіи Коменскаго «Выходъ изъ схоластическаго лабиринта». Подробнѣе и практичнѣе изложенъ онъ въ «Великой дидактикѣ», но тамъ онъ занимаетъ около ста страницъ—по переводу г. Щепинскаго;—къ этому присоединяются тамъ еще главы: «Методъ изученія языковъ», «Методъ нравственнаго воспитанія», «Методъ для внушенія благочестія». Особенно настаивалъ Коменскій на примѣненіи своего метода къ изученію языковъ и главнымъ образомъ—латинскаго языка. Вотъ какъ отзывается Коменскій о господствовавшемъ тогда методѣ преподаванія латинскаго языка. «Объ этомъ методѣ справедливо писалъ знаменитый Эйльгардъ Любинъ, докторъ богословія и профессоръ Ростовскаго университета: «Общераспространенный способъ обученія дѣтей въ школахъ представляется мнѣ такимъ, какъ если бы кто подрядился приложить все свое стараніе и усердіе, чтобы придумать какой-либо способъ или методъ, при помощи котораго наставники, равно какъ и ученики, могли бы только цѣною неимовѣрныхъ трудовъ, сильнаго отвращенія и безконечныхъ мученій и при томъ только въ весьма длинный промежутокъ времени, первые доводить, а послѣдніе доходить до знанія латинскаго языка. Всякій разъ, какъ я вспоминаю или противъ воли думаю объ этомъ, я разстраиваюсь, и ужасъ проникаетъ въ глубь моего сердца». И не много послѣ онъ говоритъ:

«Часто раздумывая объ этомъ про себя, признаюсь, я не разъ доходилъ до такой мысли, ставшей моимъ убѣжденіемъ, что это зло внесъ въ школы какой-то злой и завистливый геній, врагъ рода человѣческаго». Вотъ что говоритъ Любинъ, на котораго я желалъ сослаться въ этомъ случаѣ только какъ на одного изъ многихъ другихъ выдающихся свидѣтелей.

Впрочемъ, что за нужда искать свидѣтелей? Всѣхъ

насъ, вышедшихъ изъ школъ и университетовъ, коснулась только тѣнь истинной учености. Я также одинъ изъ многихъ тысячъ подобныхъ, несчастное существо, для котораго пріятнѣйшая весна цѣлой жизни — цвѣтущіе годы юности жалкимъ образомъ прошли въ изученіи пустяковъ! Ахъ, сколько разъ, послѣ того какъ мнѣ представилась возможность увидѣть лучшее, воспоминаніе о потерянныхъ годахъ исторгало у меня изъ груди вздохи, изъ глазъ слезы, а сердце наполнялось скорбью. Ахъ, какъ часто эта скорбь заставляла меня воскликнуть: *O mihi praeteritos reperat si Iuppiter annos!*»

Но эти желанія напрасны: день, который прошелъ уже не возвратится. Ни одинъ изъ насъ, чьи годы прошли, не помолодѣетъ, чтобы научиться начать жизнь по новому и зацѣлиться лучшей подготовкой къ ней: этому ничѣмъ нельзя помочь. Остается, одно только возможное позаботиться, насколько возможно, о нашихъ потомкахъ, именно: показавши, какимъ образомъ наши наставники ввергли насъ въ заблужденія, указать такимъ образомъ путь, какъ избѣгать ошибокъ. А это можетъ осуществиться во имя и подъ руководствомъ Того, который одинъ можетъ сосчитать наши грѣхи и исправить недостатки (Эккл. 1, 15).»

Можно сказать, что и современная европейская школа не далеко ушла отъ тогдашней въ постановкѣ изученія древнихъ языковъ. Жалобы на слишкомъ большую трату трудовъ и времени при изученіи древнихъ языковъ и въ настоящее время раздаются повсюду и ведутъ къ осужденію самой системы классическаго образованія. Однако должны ли люди отказаться отъ пользованія огнемъ, если вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ нимъ иногда происходятъ пожары? Необходимо ли бросать тупой ножъ, который можно еще отточить? Естественный методъ изученія

языковъ съ успѣхомъ примѣняется къ новымъ языкамъ, но почему-то школы упорно отказываются отъ примѣненія его къ древнимъ языкамъ, хотя въ послѣднее время въ западной Европѣ и у насъ замѣчается постепенный переходъ къ нему. Онъ уже нѣсколько лѣтъ примѣняется въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, нерѣшительный и непослѣдовательный переходъ къ нему встрѣчаемъ мы и въ министерскихъ учебныхъ планахъ 1890 г. Большое знакомство съ сочиненіями знаменитаго славянскаго педагога несомнѣнно приведетъ къ полному торжеству его идей; будемъ надѣяться, что и наши оффиціальные педагоги скоро пойдутъ въ его «Открытую дверь языковъ».

ГЛАВА V.

Методъ изученія языковъ.

Почему слѣдуетъ изучать языки и какіе именно?

1) Языки изучаются не какъ часть образованія или мудрости, но какъ средство для пріобрѣтенія знаній и обмѣна ихъ съ другими. Поэтому слѣдуетъ изучать, во-первыхъ, не всѣ языки, что и невозможно, и не много языковъ, что бесполезно, такъ какъ отнимаетъ время; необходимое на изученіе предметовъ, а нужно изучать только необходимое. Необходимое же—это 1) родной—для домашней жизни, 2) сосѣдніе—для сношеній съ сосѣдями, какъ на прим., для поляковъ въ одномъ мѣстѣ—нѣмецкій, въ другомъ—венгерскій, волошскій, турецкій; 3) для чтенія ученыхъ книгъ—латинскій, какъ то принято у всѣхъ образованныхъ людей, а у философовъ и врачей—греческій и арабскій, у богослововъ—греческій и еврейскій.

Всякій ли языкъ въ полномъ его объемѣ?

2) Слѣдуетъ изучать языки не въ цѣломъ ихъ объемѣ и до полного совершенства, но по мѣрѣ надобности. Да и нѣтъ, вѣдь, нужды говорить по-гречески или по-еврейски такъ свободно, какъ на родномъ языкѣ, потому что нѣтъ и людей, съ которыми мы могли бы говорить на этихъ языкахъ; достаточно изучать ихъ на столько, чтобъ можно было читать и понимать книги.

Не слѣдуетъ изучать языки отдѣльно отъ предметовъ.

3) Изученіе языковъ должно идти параллельно съ изученіемъ предметовъ, особенно въ юношескомъ возрастѣ, именно: мы должны учиться въ одинаковой мѣрѣ понимать и выражать какъ рѣчь, такъ и предметы. Ибо мы образуемъ людей, а не поугаевъ.

1-е слѣдствие: по отдѣмъ и тѣмъ же книгамъ можно изучать и предметы и языки.

4) Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что слова нельзя заучивать отдѣльно отъ обозначаемыхъ ими предметовъ, такъ какъ предметы не стоятъ отдѣльно и не доступны пониманію въ отдѣльности, а сообразно съ тѣмъ, какъ они соединены между собою, здѣсь или тамъ существуютъ, дѣлаютъ это или другое. Это соображеніе дало намъ поводъ составить «Дверь языковъ», гдѣ слова, соединенныя въ предложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ и связь предметовъ, и (какъ думаютъ) очень удачно.

2-е слѣдствие: Знаніе цѣлаго языка никому не нужно.

5) Затѣмъ оттуда же слѣдуетъ, что никому и не нужно знаніе какого-либо языка въ полномъ его объемѣ, и было-бы смѣшно и нелѣпо, если бы кто гнался за такимъ знаніемъ. Ибо даже Цицеронъ не зналъ вполнѣ латинскаго языка (а онъ вообще считается лучшимъ мастеромъ въ этомъ дѣлѣ), такъ какъ онъ признается,

что не знаетъ выраженій ремесленниковъ, разумѣется, потому, что никогда не вращался въ кругу сапожниковъ, чтобы наблюдать всѣ ихъ работы и заучить названія всѣхъ тѣхъ предметовъ, съ какими имъ приходится обращаться. Да и для какой надобности онъ изучилъ бы это?

И распростра-
нители «Двери»
поступили не-
осмотрительно
(Домецій, Ким-
перъ и др.), а
потому авторъ
не окончилъ на-
чатой имъ «Зад-
ней двери латинскаго язы-
ка».

6) На это-то и не обратили вниманія нѣкоторые изъ тѣхъ, которые взялись дополнять мою «Дверь», пичкая въ нее весьма мало употребительныя названія предметовъ, совершенно недоступныхъ дѣтскому пониманію. Дверь и должна быть только дверью: дальнѣйшее же надо оставить для дальнѣйшаго времени, особенно такое, что никогда не встрѣчается, или, если и встрѣчается, то можетъ быть почерпнуто изъ пособій (словарей, лексиконовъ, гербаріевъ и т. д.). По этой причинѣ и я прервалъ составленіе своей «Задней двери латинскаго языка» (которую я началъ было составлять изъ выраженій устарѣвшихъ и менѣе употребительныхъ).

3-е. Дѣти долж-
ны заниматься
предметами
связанными изъ
дѣтскаго міра,
а Цицерона и
другихъ писа-
телей не слѣ-
дуетъ предла-
гать предпочти-
тельнѣе предъ
живыми.

7) Третье слѣдствіе отсюда то, что какъ разсудокъ, такъ и рѣчь дѣтей надо развивать преимущественно на предметахъ изъ дѣтскаго міра, оставивъ предметы, интересующіе взрослыхъ, до болѣе зрѣлаго возраста, такъ что напрасно нѣкоторые предлагаютъ мальчикамъ Цицерона и другихъ возвышенныхъ писателей, трактующихъ о предметахъ, которые превышаютъ дѣтское пониманіе. Ибо если они не понимаютъ предметовъ, то какъ они поймутъ искусство сильно выражать ихъ? Съ большею пользою можно потратить это время на болѣе скромныя вещи, чтобы какъ языкъ, такъ и разсудокъ развивались только по-

степенно. Природа не дѣлаетъ скачковъ, точно такъ и искусство, если оно подражаетъ природѣ. Дитя прежде пусть учится ходить, а потомъ уже водить хороводы, прежде ѣздить верхомъ на длинномъ тростникѣ, а потомъ на лошади въ разуукрашенномъ бляхами чепракѣ, сперва болтать, а потомъ говорить, прежде говорить, а потомъ держать рѣчи, такъ какъ Цицеронъ говорить, что онъ не можетъ научить того говорить рѣчи, кто не умѣетъ вообще говорить.

Восемь правилъ
относительно
умѣнія гово-
рить на мно-
гихъ языкахъ.

8) Что касается умѣнья говорить на многихъ языкахъ, то и въ этомъ отношеніи трудъ усвоенія различныхъ языковъ сохранится и облегчится благодаря нашему методу, который мы сведемъ къ слѣдующимъ восьми правиламъ:

I. 9) Каждый языкъ надо изучать отдѣльно, именно: сперва родной, затѣмъ тотъ, который приходится употреблять вмѣсто родного, т. е. языкъ сосѣдняго народа (я держусь того мнѣнія, что изученіе живыхъ языковъ должно предшествовать изученію ученыхъ языковъ); далѣе—латинскій и уже послѣ него греческій, еврейскій и т. д., но всегда одинъ за другимъ, а не сразу; иначе одинъ внесетъ путаницу въ другой. Наконецъ, когда чрезъ упражненіе они твердо будутъ усвоены, можно будетъ съ пользою сравнивать ихъ по сравнительнымъ словарямъ, грамматикамъ и т. п.

II. 10) Изученіе каждаго языка должно занимать строго опредѣленное время, съ тою, конечно, цѣлью, чтобы мы изъ побочнаго дѣла не дѣлали главнаго и не теряли напрасно на усвоеніе словъ времени, которое принадлежитъ пред-

метамъ. Родной языкъ, имѣя связь съ предметами, которые мало-по-малу раскрываются предъ разсудкомъ, по необходимости требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ, приблизительно отъ восьми до десяти, то-есть всего дѣтскаго возраста и части отроческаго. Затѣмъ можно перейти къ какому-либо другому изъ общеупотребительныхъ языковъ, изъ которыхъ каждый довольно легко можно усвоить въ годичный срокъ; изученіе латинскаго можетъ быть окончено въ два года, греческаго — въ одинъ годъ, а еврейскаго — въ одно полугодіе.

- Ш. 11) Всякій языкъ лучше изучать практически, чѣмъ по правиламъ, т. е. какъ можно чаще слушая, читая, снова перечитывая, переписывая, дѣлая письменныя и устныя упражненія въ подражаніи.
- IV. 12) Однако и правила должны помогать и подкрѣплять практическое усвоеніе языка. Это особенно надо имѣть въ виду въ отношеніи къ ученымъ языкамъ, которые мы принуждены изучать по книгамъ, но также и по отношенію къ живымъ языкамъ, ибо итальянскій, французскій, нѣмецкій, чешскій, венгерскій языки также могутъ быть подведены подъ правила и даже уже подведены.
- V. 13) Правила языковъ должны быть грамматическими, а не философскими, то-есть, они не должны пускаться въ тонкія изслѣдованія отношеній и причинъ словъ, оборотовъ рѣчи и сочетаній ихъ: почему все это должно быть такъ, а не иначе; но должны просто излагать, что и какъ образуется. А то болѣе тонкое изысканіе

причинъ и связи, сходствъ и различій, аналогій и аномалій, какія свойственны предметамъ и словамъ, есть дѣло философа, для филолога же это только лишняя задержка.

VI. 14) При составленіи правилъ новаго языка руководящимъ началомъ долженъ служить знакомый уже языкъ, такъ что здѣсь указывается только различіе перваго отъ послѣдняго. Ибо повторять общія положенія не только бесполезно, но и вредно, такъ какъ это пугаетъ умъ призракомъ большей обширности и различія, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, въ греческой грамматикѣ нѣтъ никакой надобности опять приводить опредѣленія именъ, глаголовъ, падежей, временъ и т. п., или синтаксическія правила, ничего новаго не сообщающія, такъ какъ предполагается, что все это уже понятно. И такъ, надо помѣщать только то, въ чемъ греческое словоупотребленіе отступаетъ отъ извѣстнаго уже латинскаго. Тогда греческую грамматику можно сократить до меньшаго числа листовъ, и все будетъ яснѣе, легче и тверже.

VII. 15) Первые упражненія въ новомъ языкѣ должны производиться на извѣстномъ уже матеріалѣ. Это, конечно, дѣлается съ тою цѣлью, чтобы не приходилось въ одно и то же время направлять умъ и на предметы, и на слова, и такимъ образомъ развлекать и ослаблять его, а только на слова для болѣе легкаго и скорого усвоенія ихъ. А такимъ матеріаломъ могутъ служить или главы изъ катехизиса, или библейскіе рассказы, или, наконецъ, что-нибудь другое, уже раньше достаточно знакомое (или, если то угодно,

наши «Сѣни» и «Дверь», хотя эти книги, по причинѣ своей краткости, скорѣе пригодны для заучиванія на память; тогда какъ, напротивъ, тѣ остальные для чтенія и перечитыванія, въ виду частаго повторенія въ нихъ однихъ и тѣхъ же словъ, благодаря чему послѣднія глубже проникаютъ и въ умъ, и въ память).

VIII. 16) И такъ, всѣ языки могутъ быть изучаемы по одной и той же методѣ, именно—практически, съ присоединеніемъ самыхъ легкихъ правилъ, показывающихъ только различіе ихъ отъ языка, раньше извѣстнаго, и путемъ упражненій на знакомомъ матеріалѣ. и т. д.

О совершенномъ изученіи языковъ.

Обычай требуетъ такъ называемаго совершеннаго изученія только отъ носителя двухъ языковъ, да и то по 4 ступенямъ.

17) Не всѣ языки, которые изучаются, надо изучать съ равною точностью, какъ мы упоминали уже въ началѣ этой главы. Особенная забота должна быть приложена къ изученію роднаго и латинскаго языка, чтобы мы въ совершенствѣ владѣли ими. Но и такое изученіе языка слѣдуетъ распредѣлить между 4 возрастами.

Первый	} возрастъ	{	Дѣтскій (болтливый)	} Когда	{	Кое-какъ.		
Второй			Отроческій (развивающійся).			учатся	Настоящимъ образомъ	
Третій			Юношескій (двѣтущій)			} гово-	{	Изяцно.
Четвертый			Мужественный (сильный).					рятъ.

Почему такъ?

18) Ибо вѣрно можно идти только по ступенямъ, а иначе все будетъ лишено порядка, безсвязно, разорванно, какъ большинство насъ и узнаетъ на собственномъ опытѣ. А по этимъ 4

ступенямъ легко могутъ пройти желающіе изучать языки, если только будутъ отличныя орудія для преподаванія ихъ, т. е. какъ учебники, которые можно отдать въ руки учащимся, такъ и методикы, которыя должны быть составлены для руководства учащихся, и если тѣ и другія будутъ кратки и изложены методически.

Учебники 4 родовъ для изученія языка.

19) Учебники, сообразно степенямъ возраста, должны быть 4 родовъ:

I. Сѣни	}	Языка (напр. латинскаго).
II. Дверь		
III. Дворецъ		
IV. Сокровищница		

и пособія къ нимъ.

I. Сѣни. 20) «Сѣни» должны заключать въ себѣ матеріаль для болтовни, т. е. нѣсколько сотъ словъ, соединенныхъ въ маленькія предложенія, съ приложеніемъ табличекъ склоненій и спряженій.

II. Дверь. 21) «Дверь» должна заключать всѣ употребительныя слова языка, приблизительно тысячъ восемь соединенныя въ краткія предложенія, въ которыхъ выражались бы самыя предметы въ ихъ естественномъ видѣ. Къ этой части должны быть присоединены краткія и ясныя грамматическія правила, которыя совершенно ясно излагали бы истинный и подлинный способъ писать, произносить, производить и соединять слова этого языка.

III. Дворецъ. 22) «Дворецъ» долженъ содержать разнообразныя разговоры о всевозможныхъ предметахъ, наполненные всевозможными оборотами рѣчи и цвѣтами изящной рѣчи, съ примѣчаніями на поляхъ, изъ какихъ писателей что взято; а въ

концѣ прибавляются правила, какъ измѣнять и украшать всевозможными способами обороты рѣчи и предложенія.

IV. Сокровищница писателей.

23) Сокровищницей будутъ называться сами писатели классическіе, которые возвышенно и съ силою писали о разныхъ предметахъ; но при этомъ изложенію предпосылаются правила о соблюденіи и приобрѣтеніи силы рѣчи и о точной передачѣ (что въ особенности надо наблюдать) идиотизмовъ языка. Изъ этихъ писателей только нѣкоторыхъ можно избирать для чтенія въ школахъ; относительно же другихъ надо составлять только перечень, чтобы впослѣдствіи, если кому представится благопріятный случай или придетъ охота развернуть полныя сочиненія писателей, относящіяся къ тому или другому предмету, было извѣстно, что это за писатели.

Пособія.

24) Пособіями называются такія книги, которыя служатъ къ легчайшему и полезнѣйшему употребленію учебниковъ.

- I. Это для «Сѣней» — присоединенный къ нимъ краткій указатель встрѣчающихся въ нихъ словъ, отечественно-латинскій и латинско-отечественный.
- II. Для «Дверей» — этимологическій лексиконъ, въ которомъ приводятся коренныя слова съ ихъ производными и сложными въ латинскомъ и отечественномъ языкѣ и дается отчетъ, почему они имѣютъ то или другое значеніе.
- III. Для «Дворца» — фразеологическій лексиконъ исключительно на родномъ или же на латинскомъ языкѣ (а, если нужно, то только на греческомъ), представляющій собою сводъ разно-

образныхъ оборотовъ рѣчи и изящныхъ синонимическихъ названій предметовъ и описательныхъ выраженій, встрѣчающихся тамъ и сямъ въ самомъ «Дворцѣ», съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаются.

IV. Наконецъ, для «Сокровищницы» можетъ служить пособіемъ или дополненіемъ «всеобщій промπτуарій» (складъ), раскрывающій богатства того и другаго языка (роднаго и латинскаго, а потомъ латинскаго и греческаго) настолько, чтобы изъ всего богатства не оставалось ничего, чего нельзя было бы найти здѣсь, и при томъ такъ, чтобы всѣ выраженія точно соотвѣтствовали одно другому: собственныя — собственнымъ, переносныя—переноснымъ, шутливыя—шутливымъ, пословицы—пословицамъ. Ибо невѣроятно, чтобы языкъ какого-либо народа былъ настолько бѣденъ, чтобы не имѣлъ достаточнаго запаса словъ, оборотовъ рѣчи, изреченій и пословицъ, если только съ разборомъ расположить ихъ и сопоставить съ латинскими, или, по крайней мѣрѣ, не могъ бы ихъ имѣть, если только есть умѣнье подражать и изъ подобнаго производить подобное.

25) Но, къ сожалѣнію, такого всеобщаго промπτуарія до сихъ поръ мы лишены. Правда, Григорій Кнапій, польскій іезуитъ, оказалъ этому народу весьма важную услугу своею «Польско-Латинско-Греческой Сокровищницей». Но и въ ней справедливо можно указать на слѣдующіе три недостатка: во-первыхъ, то, что авторъ еще не включилъ всѣхъ словъ и оборотовъ рѣчи роднаго языка; во-вторыхъ, не расположилъ ихъ въ такомъ порядкѣ, какъ я только что указалъ,

именно, чтобы каждому слову одного языка (по возможности) соответствовало отдельное слово другого языка: собственному — собственное, переносному — переносное, устарѣвшему — устарѣвшее, чтобы такимъ образомъ въ равной мѣрѣ раскрывать какъ особенность, такъ и блескъ и богатство обоихъ языковъ. Кнапій къ каждому польскому слову и обороту рѣчи присоединяетъ по нѣсколько латинскихъ словъ и оборотовъ, тогда какъ мы желаемъ, чтобы каждому отдельному слову или обороту рѣчи соответствовало только одно слово и одинъ оборотъ, такъ чтобы всѣ красоты латинскаго языка замѣнились нашими, именно съ тѣмъ, чтобы этимъ промѣтуаріемъ можно было вполне воспользоваться для перевода всевозможныхъ книгъ съ латинскаго языка на родной и наоборотъ, въ-третьихъ, мы желали бы найти въ «Сокровищницѣ» Кнапія больше точности въ расположеніи оборотовъ рѣчи о предметахъ, именно, чтобы они не нагромождались какъ попало, но сначала шли бы простыя и историческія фразы о предметахъ, потомъ болѣе торжественныя ораторскія, наконецъ болѣе возвышенныя или грубыя и менѣе употребительныя поэтическія, въ заключеніе устарѣвшія».

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н і е.

Въ заключеніе попробуемъ разсмотрѣть, на сколько современною педагогикой усвоены требованія «естественнаго метода» и, въ частности, сравнимъ «методъ изученія языковъ» съ учебными планами нашихъ гимназій.

Въ настоящее время «естественный методъ» сведенъ къ такъ называему наглядному обученію, но мы видимъ, что онъ состоитъ не въ одной наглядности и сущность его лежитъ гораздо глубже. Усвоены также современной педагогикой и нѣкоторыя другія требованія «естественнаго метода», какъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, отъ цѣлаго къ частямъ и т. п.; но далеко не усвоено требованіе проходить параллельное параллельно. «Параллельное, или совмѣстное, представляютъ собою: вещь, понятіе вещи и его словесное выраженіе; ибо образы вещей въ умѣ суть представленія, а образы представлений слова. Отсюда слѣдуетъ необходимый выводъ, что уму должны быть предлагаемы вещи, разсматриваніемъ которыхъ онъ воспринимаетъ образы вещей и которыя онъ, постигнувъ, можетъ сейчасъ же назвать. Такимъ образомъ надлежитъ всегда соединять три слѣдующіе элемента: вещи, умъ и языкъ, и притомъ такимъ образомъ, чтобы предшествовало чувственное воспріятіе вещей, затѣмъ слѣдовало указаніе относительно правильнаго пониманія и, наконецъ, присоединялось названіе» («Школа всемудрости»). Въ современныхъ школахъ сообщаются нерѣдко понятія безъ вещей и еще менѣе за-

ботятся объ умѣннѣ выразить пріобрѣтаемыя понятія: первый недостатокъ объясняется скудостью средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе школь, второй же представляетъ собою слѣдствіе небрежности педагоговъ, что опять таки объясняется скудостью средствъ, отпускаемыхъ для содержанія педагоговъ, и происходящею отсюда невозможностью привлекать къ этому званію болѣе способныхъ и трудолюбивыхъ людей. Затѣмъ Коменскій требуетъ, чтобы въ школахъ болѣе важными предметами занимались преимущественно передъ менѣ важными. Хотя это требованіе кажется на столько естественнымъ, что едва ли когда-либо можетъ быть нарушаемо; однако оно постоянно нарушается, такъ какъ современная педагогика еще не опредѣлила, что слѣдуетъ считать самымъ важнымъ въ воспитаніи и обученіи; для Коменскаго же, какъ для высоко нравственнаго и религіознаго человѣка, это было вполне ясно. Поэтому и до сихъ поръ справедливы слова Коменскаго, написанныя имъ въ «Великой дидактикѣ». «Что преимущественно слѣдовало бы насаждать въ душѣ дѣтей то главнымъ образомъ и оставлялось въ пренебреженіи: благочестіе и нравственность». «Объ этомъ, повторяю, менѣ заботились во всѣхъ школахъ (даже въ академіяхъ, которыя между тѣмъ должны были бы давать высшую степень человѣческаго развитія), такъ что изъ нихъ выходили вмѣсто кроткихъ агнцевъ большею частью дикіе ослы, неукротимые и упрямые мулы, а вмѣсто характера, склоннаго къ добродѣтели, онѣ выносили только обманчивую вѣжливость обращенія, какую-либо пышную иноземную одежду, да глаза, руки и ноги, искусившіеся въ свѣтской суетности. Кому изъ этихъ ничтожныхъ людей, такъ долго изощрявшихся въ занятіи языками и искусствами, приходило на мысль быть для прочихъ смертныхъ образцомъ умѣренности, цѣломудрія, смиренія, человѣколюбія, серьез-

ности, терпѣнія, воздержанія и т. п.? Отъ чего же это,— какъ не отъ того, что въ школахъ вовсе и не затрагивается вопросъ о добродѣтельной жизни? Это подтверждается упадкомъ дисциплины почти во всѣхъ школахъ, объ этомъ свидѣтельствуется распушенность нравовъ во всѣхъ сословіяхъ, свидѣлствуютъ объ этомъ и безконечныя жалобы, сѣтованія и слезы многихъ благочестивыхъ людей. И станетъ ли послѣ этого кто-нибудь защищать настоящее состояніе школъ? Очевидно, болѣзнь, унаслѣдованная нами отъ прародителей, еще сидитъ въ насъ, что мы, пренебрегши древомъ жизни, беспорядочно направляемъ свои желанія къ одному только древу познанія. А школы, потворствуя этому беспорядочному стремленію, до сихъ поръ только и гнались за знаніями.»

Плоды такой погони школъ только за знаніями сказываются и въ настоящее время на столько сильно, что даже порождаютъ въ нашихъ современникахъ какую-то свѣтбоязнь, изъ за которой они готовы скорѣе совсѣмъ не просвѣщать людей, чѣмъ давать имъ неправильное просвѣщеніе; однако Коменскій не слѣдуетъ ихъ примѣру и, указывая намъ способы правильнаго просвѣщенія, во имя всего святаго, во имя земного и небеснаго счастья зоветъ насъ къ этому просвѣщенію. Неужели мы еще будемъ сомнѣваться, должны ли мы послѣдовать его завѣтамъ? Какъ быстро начало бы возрастать всеобщее благосостояніе, если бы европейскіе народы рѣшились тѣ средства, которыя они теперь употребляютъ на вооруженія, затрачивать на школы и процвѣтаніе наукъ! Вѣдь недавно же было признано, что Францію побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель, а не солдатъ. Исторія съ самаго своего начала не перестаетъ показывать намъ, что въ просвѣщеніи и въ гражданскихъ доблестяхъ, а не въ оружіи и числѣ войскъ заключается сила народовъ, что возможны и прочны

лишь культурныя завоеванія. Скажите, гдѣ тѣ вандалы и готы, которые опустошали Римъ? Тамъ и слѣдъ ихъ давно простылъ, а вѣчный городъ процвѣтаетъ и гордится памятниками своей культуры, пользуется сооружеиіями, переживающими тысячелѣтія. Гдѣ татарскія орды, которыя жгли Москву? Гдѣ турецкое могущество? Недавняя исторія твердитъ намъ опять все тоже. Давно ли мы проливали кровь свою на поляхъ Болгаріи и освобождали другія области Балканскаго полуострова изъ подъ турецкаго ига? А плоды нашихъ побѣдъ пожинаетъ Австрія, благодаря своей высокой культурѣ и не проливъ ни капли крови. Въ нашемъ собственномъ государствѣ нѣмцы, поляки и финляндцы (даже финляндцы на своихъ сѣверныхъ скалахъ!) живутъ богаче и лучше насъ, даже тѣснятъ насъ на всѣхъ поприщахъ и загоняютъ народъ нашъ въ Сибирь, благодаря опять таки тому, что у нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ храмы и школы, что у нихъ священникъ и учитель пользуются общимъ уваженіемъ, а у насъ къ несчастію нерѣдко служатъ предметомъ травли и насмѣшекъ. Последнее же происходитъ оттого, что мы религію цѣнимъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; а надъ просвѣщеніемъ даже глумимся, благодаря своему невѣжеству. Здѣсь кстати вспомнить мудрое изреченіе Адама Смита: «лучшая экономическая мѣра для государства есть хорошее воспитаніе народа, и ничто такъ дорого не обходится государству, какъ невѣжество».

Что касается до первоначальной и народной школы, то здѣсь идеи Коменскаго получили всеобщее признаніе и примѣненіе, благодаря такимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ, какъ Песталоцци и Дистервегъ; что же касается до средней и высшей школы, то здѣсь еще многого недостаетъ для полнаго торжества идей великаго отца новѣйшей педагогики. Можно сказать, что средняя школа

ждетъ еще своего Песталоцци, который бы съ такимъ-же самоотверженіемъ и съ такою же страстною преданностью посвятилъ себя на пользу нашего юношества, съ какимъ отдалъ себя Песталоцци на служеніе материнской и народной школѣ. Только тогда кончится это шатаніе отъ классицизма къ реализму, отъ идеальнаго къ матеріальному, отъ общаго къ профессиональному. Геніальный умъ Коменскаго не ограничивался какимъ нибудь однимъ возрастомъ, или однимъ видомъ школы: онъ имѣлъ въ виду всякаго человѣка и воспитаніе всего человѣчества. Поэтому здѣсь, а не у кого другого средняя школа найдетъ отвѣты на свои запросы. Тогда какъ Локкъ и Руссо имѣютъ въ виду воспитаніе, возможное лишь для богатыхъ людей, Коменскій указываетъ намъ путь возможный и необходимый для всякаго человѣка, способнаго достигнуть высшаго образованія. Когда Кантъ и Фихте лишь отвлеченно, въ самыхъ общихъ положеніяхъ, трактуютъ о задачахъ воспитанія, Коменскій, какъ практическій педагогъ, указываетъ намъ всѣ приемы и способы, какими могутъ быть достигаемы поставленныя имъ высокія задачи воспитанія.

Наши гимназіи по своей идеѣ общаго гуманитарнаго образованія, ведущаго къ полному и гармоническому развитію всѣхъ способностей человѣка могли бы удовлетворить собою требованія, поставленныя Коменскимъ для заведеній такого рода, если бы на практикѣ онѣ не стояли такъ далеко отъ этихъ его требованій, равно какъ и отъ требованій другихъ педагоговъ, принимавшихъ участіе въ основаніи и развитіи гимназическаго образованія, каковы Гегель, Герbartъ, Стой, Циллеръ, Карлъ Шмидтъ и проч. Напримѣръ Карлъ Шмидтъ вполне согласно съ Коменскимъ требуетъ, чтобы изученіе иностранныхъ языковъ начиналось не съ древнихъ, а съ какого-нибудь изъ новыхъ, и

къ другому иностранному языку онъ совѣтуетъ переходить лишь послѣ твердаго усвоенія основаній въ начатомъ уже чужомъ языкѣ. Изученіе латинскаго языка, говоритъ онъ, требуетъ отъ десятилѣтняго мальчика неестественнаго напряженія духовныхъ силъ, которое необходимо ослабляетъ ихъ. Согласно также съ Коменскимъ Карлъ Шмидтъ требуетъ, чтобы изученіе латинскаго языка начиналось съ вокабуль, соединяемыхъ тотчасъ же въ предложенія, чтобы затѣмъ переходили къ чтенію удобопонятныхъ статей изъ христоматіи, при чемъ практически усвоились бы грамматическія правила. Однако и онъ уже отклоняется отъ Коменскаго, придавая слишкомъ большое значеніе грамматическимъ упражненіямъ при дальнѣйшемъ изученіи. Онъ допускаетъ даже сравнительную грамматику въ курсѣ гимназій и требуетъ, чтобы латинская грамматика преподавалась въ гимназій научнымъ образомъ. Это уже не то, чего требовалъ отъ преподаванія древнихъ языковъ Коменскій. Но еще далѣе уклонились отъ первоначальной цѣли изученія древнихъ языковъ современные наши гимназій. Здѣсь уже «грамматика полагается въ основу изученія древнихъ языковъ», а Коменскій на основаніи своего горькаго опыта говоритъ намъ: «на длинныхъ, сбивчивыхъ, темныхъ, часто бесполезныхъ грамматическихъ правилахъ ученики стоятъ, вѣрнѣе сказать задерживаются цѣлыя годы. Вотъ главное зло». И далѣе: «всякій языкъ лучше изучать практически, чѣмъ по правиламъ». Къ этому прибавимъ, что въ настоящее время отъ учебниковъ требуютъ, чтобы матеріалъ излагался въ нихъ систематически, а не методически, что уже прямо противорѣчитъ правиламъ педагогики.

Отъ чего же съ такимъ трудомъ и такъ медленно переходятъ въ жизнь столь важныя и столь полезныя идеи

великихъ педагоговъ? Отъ чего разъ постигнутая и даже усвоенная жизнью истина потомъ забывается и только съ трудомъ возвращается снова на принадлежащее ей мѣсто? Да все отъ того же невѣжества, отъ тѣхъ же недостатковъ воспитанія и образованія, противъ которыхъ такъ возставалъ двѣсти слишкомъ лѣтъ назадъ Коменскій. Ни страсти, ни пороки, ни злоба людская не приносятъ столько несчастія человѣчеству, какъ глупость и невѣжество. Дайте побольше свѣта, и мы скоро разглядимъ тѣ нечистоты, среди которыхъ мы живемъ, и которыя отравляютъ наше собственное существованіе и наши взаимныя отношенія. Когда учебныя заведенія будутъ открываемы и руководимы людьми, вполне преданными своей просвѣтительной миссиі, специально подготовленными къ этому дѣлу изученіемъ всѣхъ наукъ, необходимыхъ для дѣла воспитанія, каковы физиологія, психологія, философія и исторія педагогики; когда государство будетъ требовать отъ кончающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія только извѣстныхъ знаній и извѣстнаго развитія, не указывая каждому учителю, какимъ именно путемъ достигать всего этого отъ каждаго ученика,—тогда можно будетъ надѣяться что идеи великихъ педагоговъ скоро получатъ практическое примѣненіе и въ нашихъ школахъ. Едва ли также можно опасаться, что за это могутъ взяться люди нерелигіозные и развратные: слишкомъ это трудное и святое дѣло, чтобы за него стали браться такіе люди; но во всякомъ случаѣ эта опасность всегда во время можетъ быть устраняема...

Зато тѣмъ большаго поощренія будутъ заслуживать тѣ нравственно-религіозные и благонадежные люди, которые посвящаютъ себя великому дѣлу воспитанія и просвѣщенія молодежи. Никакія затраты на это дѣло не могутъ счи-

таться слишкомъ большими. Что сказали бы мы о тѣхъ родителяхъ, которые бы заботились болѣе о накопленіи богатствъ для своихъ дѣтей, чѣмъ о правильномъ воспитаніи ихъ? Вѣдь поистинѣ такіе родители дѣлаютъ все, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей несчастными, хотя вполне искренно стремятся къ противоположному.

Того-же автора:

Первоначальный курсъ греч. этимологій съ упражненіями. Ц. 1 р.

Ученымъ комитетомъ М. Н. П. допущенъ какъ руководство для гимназій и прогимназій.

Греческій синтаксисъ по 1-й кн. «Воспоминаній о Сократѣ» Ц. 20 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Малая Конюшенная № 12, В. Мѣстникъ.

Тамъ же продаются:

Темные люди. Разказъ А. Луканина, для дѣтей и юношества. Съ картинками. Ц. 40 к.

Превращенія. Сказка для дѣтей мл. возраста С. Де-стунисъ. Съ картинками. Ц. 30 к.

Бладъ. Разказъ А. Луканина. Ц. 15 к.

Три дара. Сказка въ стихахъ съ картинками. С. Де-стунисъ. Ц. 50 к.

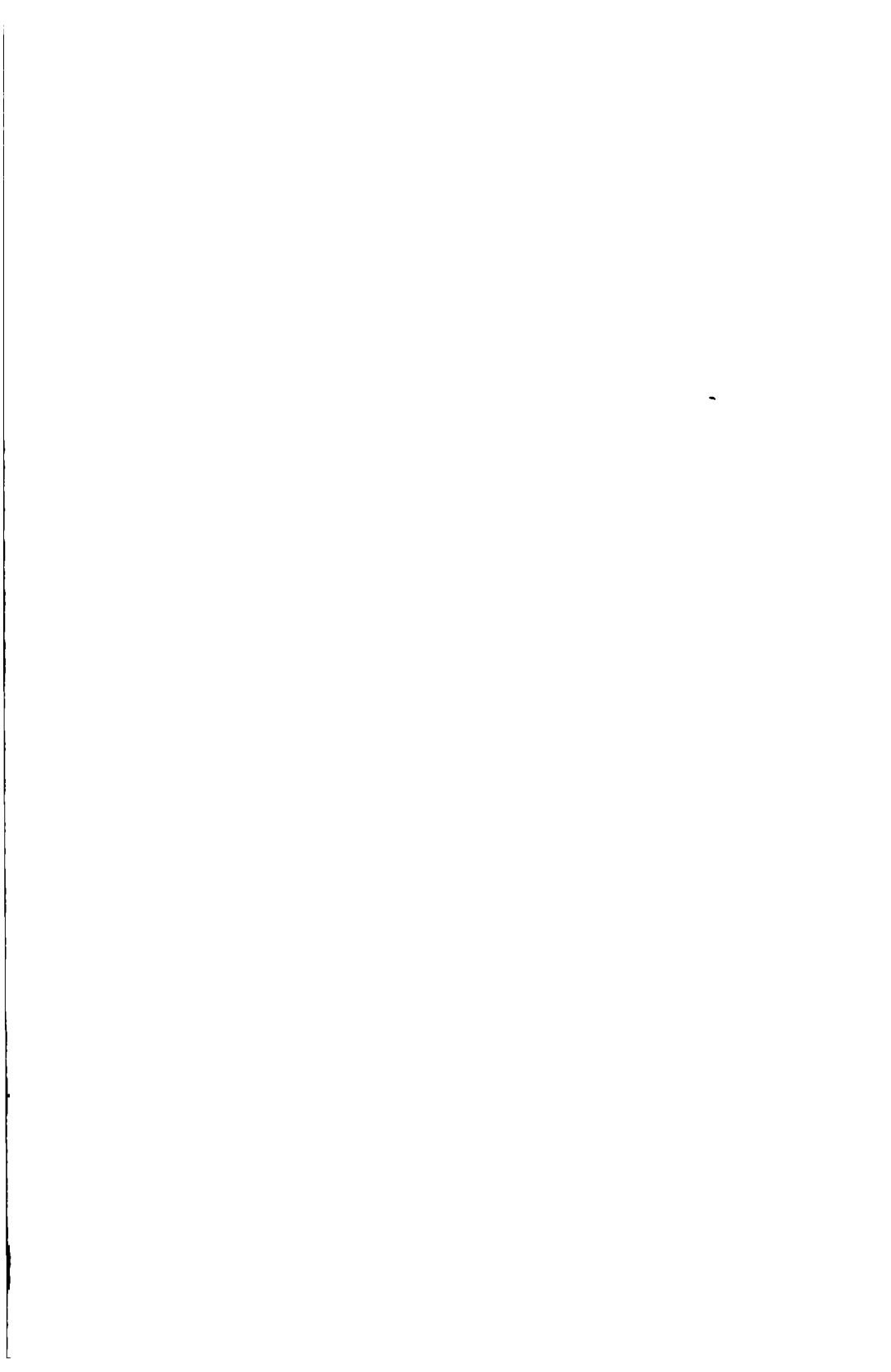
144 загадки съ картинками отгадками. И. Деркачевъ. Ц. 20 к.

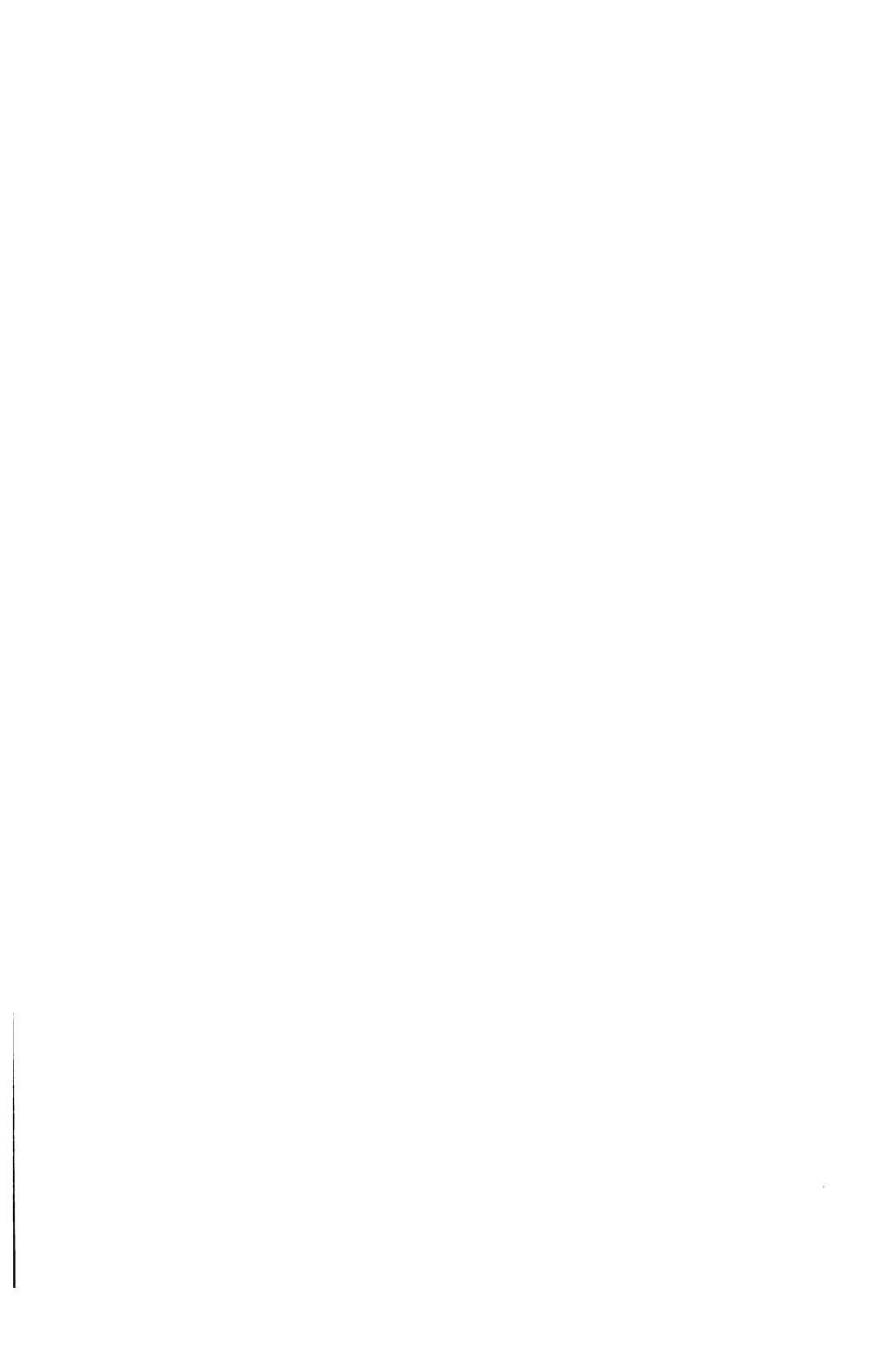
Подспорье. Крошки разказы изъ трехъ царствъ при-роды со множествомъ картинокъ. И. Деркачевъ. Ц. 70 к.

Покупающимъ у В. Мѣстникъ скидка 30%.

83 14 5225T2 53 005 BA

7295

LB 475 .C6 O2 C.1
Prosvetitelnye zavety I. A.
Stanford University Libraries

3 6105 039 204 230

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
STANFORD, CALIFORNIA 94305

